

Содержанка **ДЛЯ АЛАНА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иман Кальби

18+

Алан

Иман Кальби

Содержанка для Алана

«Автор»

2022

Иман Кальби

Содержанка для Алана / Иман Кальби — «Автор»,
2022 — (Алан)

— Сколько? Сколько ты стоишь? — хриплю, сглатывая слюну.— Для тебя не продаюсь...— За деньги или без них, Бэлла, всё равно окажешься подо мной... А потом на мне... И еще в сотнях других поз, потому что с тобой я хочу попробовать всё на свете, малютка...Я знаю, что она плохая... Я знаю, что мне с ней не по пути... Я знаю, что фактом ее существования в моей жизни я делаю больно другой — той, кто лучше и правильнее нее... Но я хочу ее. До дикости, до одурения... И сделаю все, чтобы получить... Даже если для этого мне самому нужно будет стать плохим...#современный_любовный_роман #любовный_треугольник #очень_откровенно_и_эмоциональноСодержит нецензурную брань.

© Иман Кальби, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иман Кальби

Содержанка для Алана

Пролог

Басы бьют по перепонкам. Башка раскалывается. Гребанное похмелье. Не от алкоголя. От Нее... С тех пор, как она подняла на меня свои бесстыжие черные глаза, я пьяный. Ею пьяный. Каждую ночь – угар, каждое утро – жуткое похмелье, которое накатывает с осознанием того, как все это неправильно, нехорошо... Зачем мне это? Куда я иду? На голос своего члена – так бы сказал отец, как всегда любил подкалывать молодых и резвых ребят своей команды бойцов... У него тренерская дисциплина была превыше всего – все остальное – должно было оставаться за пределами октагона. До последнего у меня так получалось. Теперь – нет... С того проклятого дня, как я набивал морду противнику, чье лицо даже не помню, потому что смотрел в это время на нее, сидевшую в первом ряду, закинув небрежно ногу на ногу... С тех пор перед глазами стоял только ее дерзкий взгляд – вызов...

Зачем я здесь? Зачем терплю эту быющую по ноздрям смесь пота, алкоголя и тестостерона? Разве мне этого не хватает на соревнованиях? Зачем все эти дешевые девки вокруг? Ненавижу ночные клубы... Они для тех, кто боится смотреть своим желанием в глаза без искажения софитов и вспышек светомузыки. Но я знаю, зачем... Я на охоте. И моя жертва передо мной... Вижу, как Она что – то шепчет этому своему козлу на ухо, улыбаясь, а потом, покачивая бедрами, удаляется в уборную, грациозно лавируя по вип – зоне. Следую за ней, пробиваясь сквозь беснующуюся в танце толпу, на входе в туалет сую в руку охраннику купюру, чтоб не мешал. Захожу внутрь...

Приглушенный красный свет, басы остаются притупленными закрытой дверью снаружи. Она стоит у крана и моет руки. Встречается со мной взглядом в отражении и дергается. Вижу, как приоткрываются пухлые губки в немом вскрике. Как расширяются зрачки ее огромных вишен – глаз.

– Вы ошиблись, Вам не сюда... Это женский туалет, – говорит тихо, в глазах страх. Наверное, я сейчас действительно страшен...

Я подхожу вплотную. Чувствую себя голодным зверем перед лакомой добычей. Потому что все эти дни, пока наблюдал за ней, очумел от нее. Одурел. Пропитался ею, как сорокаградусным спиртом...

– Ты права, мне не сюда, – вжимаю в нее свои бедра, вдавливая в белый фаянс раковины, – мне вот сюда... – шепчу, вдыхая ее аромат за ухом и накрывая ее промежность в кожаных брюках рукой.

Бэлла резко дергается, пытаясь вывернуться. Шипит, как дикая кошка, а меня это заводит еще больше. Перед глазами кровавая пелена. Я бы засадил ей прямо здесь. Может тогда это наваждение хоть немного ослабит свою мертвую хватку на моей глотке...

– Пусти меня, урод, – цедит сквозь зубы, а я, дергая ее на себя, прижимаю к своему торсу и хватаю за грудь.

– Сколько? Сколько ты стоишь? – хриплю, сглатывая слюну.

– Отвалил от меня! Быстро! – пытается рыпаться, наивная, – Не продаюсь!

– Неужели? – усмехаюсь.

– Таким, как ты, уж точно...

Я теперь уже смеюсь в голос. Это она кому заливает?

Кусаю в шею ее, чувствуя, как дергается дымящийся член. Рычу, не в силах сдержать себя.

– За деньги или без них, Бэлла, всё равно окажешься подо мной... А потом на мне... И еще в сотнях других поз, потому что с тобой я хочу попробовать всё на свете, малютка...

Глава 1

Алан

Чехия, Прага

Я понял, что мне этого не хватало, давно не хватало, уже месяца три. С тех самых пор, как мать спалила, что я дерусь... Сколько же было криков, сколько ругани, жуткий скандал с отцом. Это горская кровь в них играет. Я ж понимаю. И во мне она бежит диким, стремительным потоком по венам, словно река в оковах острых скал...

Я вырос между Дубаем и Флоридой. Неплохо знаю Москву, куда часто навещаюсь и планирую в скором времени там обосноваться на какое – то время. Зато на малой родине, в горах, был от силы раза два, скорее как турист. Родители – нечастые гости там, где родились и выросли, но... как бы ни было, я чувствую особую, магнетическую, почти сакральную связь с тем местом. Удивительное ощущение, одухотворяющее и в то же время, приземляющее в хорошем смысле – дающее мне какую – то крепкую, устойчивую связь с землей моих предков... Особенно ярко я ощущаю это чувство на арене... Культурный, образованный Алан тактично отходит в сторону, уступая место дикарю... Разнузданному, бесстрашному, свирепому... Такой живет в каждом из нас, кавказцев, даже самых продвинутых и далеких от традиций, пусть мы и пытаемся спрятать эту свою суть под строгие европейские костюмы с идеальной посадкой, полученные знания и современные офисные профессии.

Наверное, я бы хотел однажды вернуться туда, в горы, не навсегда, на время. Пожить той – странной, аскетичной, суровой жизнью, воспитывающей из мужчин непреклонных, непобедимых и непоколебимых бойцов. Подышать чистым, как горный хрусталь, бьющим под дых своей свежестью воздухом, поест аскетичную, но вкусную незамысловатую пищу. Меня так сильно тянет туда... Поэтому и девушка у меня, несмотря на столько проходящих красоток, оказавшихся в моей постели, из наших. С Миленой мы встретились случайно, она прилетела из России в Штаты в гости к своей тете, с которой общается мама. У моих не так много друзей – земляков в Америке, но парочку все – таки есть. Тетя Альбина одна из них. Племянница этой тети Альбины сразу мне запала. Скромная, невинная, красивая... Она на третьем курсе медицинского. Семья хорошая, живут в Москве, но традиции чтут, связь с родиной не теряют... Одета сдержанно, скромно, и в то же время стильно... Увидел ее – и понял, что словно спокойный с ней рядом, умиротворенный. Она была, как вода, мягкая, обволакивающая, успокаивающая и питающая... От таких хорошо рожать детей... Она – моя гавань. Мой внутренний зверь довольно заурчал, дав сигнал, что нужно действовать.

Не стал ходить вокруг да около. В тот же день, после семейного ужина сказал, что она мне нравится и хотел бы пообщаться... И мы общались – созванивались, списывались. Съезжались несколько раз в месяц на свидания на нейтральной территории. С этим тоже было строго – родители ее одну не отпускали, поэтому ездила она всегда с кем – то из своих родичей. А мне это даже нравилось... Была в этом какая – то чистота, правильность, так недостающие в нашей испорченной жизни... Правда, это полностью лишало меня возможности продвинуться куда – нибудь подальше в плане более интимных отношений с ней... Мы только целовались, да и то всего раз... Пошли в кино на какую – то дурацкую комедию, в то время, как сопровождавшая ее старшая замужняя сестра с кайфом смотрела отвратительный ужастик. Этим и уговорили – очень уж она хотела на тот самый хоррор.

Мне понравилось ее целовать... Мягкие губы, цветочное дыхание, робкий стук сердца. Птичка. Да, она была похожа на маленькую нежную птичку...

Мы сразу договорились, что сватать я ее приду в этом году. Вот, окончит третий курс – и все официально объявим. Одну кольцо на палец – а там посмотрим, когда свадьбу сыграем. Милена покладистая девочка, неконфликтная... То, что нужно. Я знаю, какой вопрос то и

дело крутится у нее на языке, но она так и не решается его произнести... Ее, конечно же, интересует, где мы будем жить после свадьбы. Понятное дело, ее дом – Россия. Там ее родня, ее семья, ее жизнь... Да и английский у нее пока слабоватый... Я пока для себя окончательно ничего не решил, но даже для бойцовой карьеры сейчас, скорее всего, лучше перебраться в Москву, хоть это тоже очень сильно не понравится матери. Да что ей вообще нравится из моей нынешней жизни. Она столько сил вложила в то, чтобы я стал молодым, подающим надежды архитектором... А мне все это не нужно на фиг... Я вот этим живу- кайфом, адреналином, жаждой победы... Инстинктами...

Откидываю мысли о семье. Снова возвращаюсь к реальности. А тут все то, что так люблю, как бы мама ни пыталась мне навязывать эстетику высокого искусства – вой толпы, крики девчонок, готовых ради победителя на всё, вкус этой самой победы, пусть и отдающий металлическим привкусом... Как я захожусь от этого состояния... Когда тело сливается с коллективным экстазом, подбрасываемое на вибрациях эмоций иступленной толпы, когда все мысли, чувства, эмоции в стороне и есть только октагон, а на нем он, противник – тот, кого тебе нужно ушатать...

Я часто спрашивал отца, что он чувствовал к соперникам... Ведь они формально твои враги, но... ответ меня в детстве всегда поражал... «Что угодно, только не ненависть, сынок... Главный соперник себе на ринге ты сам – со своими страхами, неуверенностью, смятением... А эти, кто стоит против тебя, просто средство победы или поражения этих твоих истинных соперников»... Тогда я не понимал его слов. Сейчас считаю их гениальными... Стоит вот так вот взглянуть на происходящее в октагоне, появляется трезвость и спокойствие, так необходимые для победы...

Я был уверен, что сегодня не облажусь... Просто знал. Меня интуиция вообще редко подводит. Это от матери...

До боя минут пять. Зал гудит. Я выхожу первым. Начинает играть любимый дип басс. Внутри все клокочет. Рука отца одобрительно опускается мне на плечо. Рядом верный друг и спарринг – партнер Давид, наш семейный док, еще пару человек поддержки. Не люблю толпы фанатов и свиты... Уж пока – то мне это точно незачем... Мне бы пока себя показывать, не до павлиньих хвостов, хотя отец вот никогда ничего никому не доказывал, этим самолюбованием ничемных борцух не грешил, хоть мало кто с ним по крутости мог соревноваться...

Слышу пульсирующие удары адреналина, бьющего по вискам, наставления рефери. Мне вставляют каппы в челюсти, проверяют перчатки. Примеряюсь к арене и ее покрытию – совершаю прыжки и выпады, пользуясь временным зазором до выхода соперника. А потом глаза опускаются на первый ряд.

– Это кто? – сипло спрашиваю я стоящего рядом у клетки Давида. Я сейчас не в состоянии оторвать глаз от этой девчонки... Ругаю себя в голове последними словами, что вместо мыслей о предстоящем бое залипаю на телке, но не могу отцепиться от нее... Меня тянет на нее смотреть, как пчелу на сладкое...

– Это, – усмехается друг, – телка Барина. Не видишь что ли? Рядом с ней сидит.

О Барине я слышал и много раз видел его в действии. Хорошей борец. Уже, правда, почти пенсионер, но свое отпахал в клетке на пять с плюсом – лет десять ушатывал соперников. Наверное, самый успешный из славян после Емельяненко. Уважаю его как профессионала, хоть лично и не знакомы. Увидел моего отца, почтительно встал, поздоровался традиционными объятиями. Еще бы. Алмаза – то все знают...

– Так что за краля? – стараюсь звучать спокойно, но не могу... Она цепляет меня... Не по – детски... Почему – то хочется о ней узнать...

– Чувак, выдохни, а? Лучше о бое думай. Тебе зачем эта соска конченная: Вебкамит... Повода заходиться сердцебиением и переживаниями нет, явно на принцессу твоей мечты не тянет. Можешь подрочить на нее после боя по компу или телефону...

Я ошарашенно перевожу взгляд на друга.

– Чего? В порнухе снимается что ли? А как Барин позволяет?

Давид еще шире улыбается, но как – то злобно, раздраженно. Не пойму я его реакции... Ему – то что на нее. Она ж не его сестра... Ну снимается... Бля, снимается?! Ну как так... Зачем...

– Ну можно и так сказать, что в порнухе... Не знаешь про вебкам? Ну ты даешь, брател. Кто ж там не зависал... Короче, это такое видеоприложение, где можно за телками подглядывать... Типа общаешься с ними, просишь их всякое сделать... можно больше заплатить – позвать на приват, тогда они переходят в отдельный чат только с тобой. В сухом остатке, на что уболтаешь, то и будет... Стриптиз, танцы откровенные, может что и похлеще... Пиздец как заводит... Больше, чем порнуха эта конченная устаревшая...

Я слушаю его, не веря в то, что он говорит... Смотрю на ее лицо... На эти алые, ненакрашенные губы, пухлые и сочные, как ягоды. На идеальную белую кожу, длинную шею, черные шелковые волосы... Она не выглядит, как дешевая шлюха... Может, он стебётся?

– А Барин знает, что ты сейчас пи...ишь про нее? – спрашиваю раздраженно.

Давид хмыкает и отвечает на пониженных тонах.

– Слушай, ну про Барина про самого все давно знают... Эта Бэлла для него – чисто прикрытие... Он же из этих, заднеприводных... Спит со всякими жоржиками втихую... Не знал?

Я опять удивленно поднимаю глаза на друга. Сегодня день идиотских откровений? Конкурс на самую нелепую новость?

– Она просто с ним бывает иногда на публике, чтобы рты незнающим позакрывать... Типа, такая договоренность у них, камуфляж его голубятни... И ей тоже пиар... Ей же вечером перед камерой жопой и сиськами трясти, а тут слухи о том, что сам Барин ее чпокает... Многим заходит... На телку Барина охотнее идут смотреть, чем на незнакомую левую чиксу... Они и сюда – то припираются из – за пиара... А что, умная баба... Мужиков здесь море... Все ее знают и хотят, а Барин защитит, в обиду не даст... Короче зайка приходит хвостом помахать пред стаей волков... И видишь, как успешно, раз ты вместо Марчелло с его пудовыми кулочищами о ней думаешь...

– Она ведь точно из наших. Ну, я вижу по внешности... Черты лица... Цвет волос... – задумчиво продолжаю я.

Давид ухмыляется.

– Да, братэл, засиделся ты там у себя в Штатах. Таких новостей не знаешь... Она ж в республике знаменитость, ёпт. Каждая собака ее знает.

Я удивленно перевожу глаза на друга. А потом опять на нее. На ее идеальную белую кожу, на сочные губы, глаза огромные, эти длинные шикарные волосы цвета вороньего крыла, которые хочется со всей дури потянуть на себя, чтобы... Чтобы выгнулась дугой...

Бля, о чем я думаю перед боем... Насилу отрываюсь от нее. Пытаюсь выкинуть из головы шалаву. Усмехаюсь сам себе. Это ж надо- порнушница из республики... И как ее еще никто не пришил. У нас и меньших грехов не прощают. Как жили в доисторические времена, так и живем...

Стараюсь не думать о ней, разминаюсь, концентрируюсь на поединке. Уже слышу музыку, под которую выходит противник. Пару минут – и заваруха начнется... Еще несколько выпадов, настраиваюсь на боевой лад... Пересекаемся с отцом кратким многозначительным взглядом. Всё, я готов... А потом снова зачем – то поднимаю глаза на зрителей и... встречаюсь с Ее взглядом... Мир летит в пекло... А я за рулем этой адской машины...

Глава 2

Алан

Отец никогда не брал мать на бои. Говорил мне – не место женщинам в этом месте. Не надо им смотреть на кровищу и жестокость, словно они не из нашего мира... Я всегда на это усмехался, даже в детстве, думая о бойком характере моей младшей сестры. У нее нрав был похлеще моего. Да и вообще, все эти разговоры о слабости и тонкости душевной организации женщин – по – моему, бред полный... Порой мне кажется, что женщины гораздо более жестокие и жесткие, особенно к самим себе и к другим женщинам...

Еще он говорил, что присутствие той, кто и без того волнует кровь, отвлекает от цели в бое. Мне кажется, он лукавил. Когда они сошлись во второй раз с мамой, он уже не дрался... Тренер, почетный гость, судья, эксперт... Он перешел в разряд менторов, а не тех, кому надо что – то доказывать, справляясь с эмоциями. Алмаз не брал маму на бои, потому что паталогически её ревновал... Потому что не мог терпеть на ней любых мужских взглядов – скользящих, задерживающихся с интересом, похотливых... Даже равнодушных не мог терпеть... Мне кажется, он так всю жизнь берег мать, словно вазу хрустальную, что даже когда просто кто – то с ней пересекался глазами по случайности, уже был готов рвать и метать – словно от этого хрусталь мог помутнеть.

А сейчас я испытывал странные эмоции, новые... Никогда не было такого, чтобы какая – то телка из зала волновала, когда я был на октагоне... Помню постоянным фоном одичалые, похотливые крики фанаток в их отчаянной попытке привлечь внимание, но все это всегда воспринималось как белый шум. Милена, понятное дело, сама бы сюда не пришла, да я и не звал. Что ее родители подумают. Красотки с полуголыми телами, выносящие табло перед боем, тоже воспринимались, как декорации. А эта... Присутствие этой девки сегодня вприснуло в мою кровь какой – то дикий азарт. Наверное, узнай об этом отец, сказал бы, что в стратегическом плане это было действительно неправильно... Любой опытный тренер увидел бы, что я сейчас слишком резв, агрессивен, нахрапист, расходую энергию... Я цеплял то и дело его нахмуренный, сосредоточенный взгляд, знал, что при любом исходе боя он мне всё это выскажет, но ничего с собой поделать не мог...

Я чувствовал, она смотрела на меня со своего зрительского места с края октагона... С интересом смотрела, оценивая... И меня подстегивало это знание. Хотелось произвести впечатление, хотелось показать ей себя. Наверное, то же самое чувствуют самцы в дикой природе, когда устраивают демонстративные схватки перед самками.

Я очнулся от этого аффекта, только когда рефери завершил бой моей победой нокаутом противника. Дернул головой, ощущая, как от кончиков коротких волос в разные стороны разлетаются капли пота, словно это вода. Почувствовал, наконец, металлический привкус крови во рту... Соперник лежал на полу, весь красный. Ужас. Что это было. Как я умудрился так ушатать его? Почему ничего не чувствовал все это время? Зал бесновался. Им – то как раз такое зрелище и было нужно. Кровище, тестостерон, дикость – толпа готова была платить любые деньги, чтобы смотреть как раз на такое... Отец крепко сжимал челюсть, стоя в компании Давы и нашего дока. Те радовались моей победе, в отличие от него. А я мысленно готовил себя к предстоящей лекции... Но все равно, ощущения были, как в тумане. Потому что реальностью был лишь ее взгляд. Ее такие разные эмоции во время боя – только их я и помнил – испуг, страх, восторг, восхищение... Она, кажется, почему – то болела за меня. И в момент, когда выражение ее красивого точеного лица менялось по ходу развития боя, уходила эта лошенная надменная идеальная куколка, а на ее место приходила настоящая растерянная девушка. И я до конца не мог понять, какой из этих двух образов цеплял меня сильнее, или они оба...

Ведущий все еще орал какие – то зазывные трели для толпы, на меня уже наперли пояс победителя, вот только ни ее, ни Барина я больше не видел. Видимо, в какой – то момент они ушли, когда я отвлекся.

Вышел из клетки, обнялся со своей командой. Ожидаемое «разберем после» от отца, веселые подмигивания Давида, ответственного за «культурную программу после», как это

обычно бывает, когда от нескольких недель жесткой подготовки на суровой диете, сгонке жира и половом воздержании хочется превратиться в ночь после боя в дикое, похотливое животное, погрузившееся во всю гамму пороков.

– Иди, отдыхай, Алан, – говорит папа, – я в отель, перенервничал. Завтра. Все завтра.

Мы прощаемся, удаляюсь с ребятами в свою зону, а там уже все, как надо – выпивка, мини – фуршет, динамичная музыка, красотки в откровенных нарядах, облизывающие меня зазывными взглядами... При любом другом раскладе я бы трахнул сразу двоих или троих. Просто позвал бы в постель всех вместе – и они бы пошли, я знаю, сколько раз уже так было, но...

Поворачиваю голову – и снова со свистом выдыхаю. Она стоит здесь с Бариним. Растерянная, в своих мыслях. Мужик видит меня, подходит, протягивая руку.

– Молодец, Алан, красавца, далеко пойдешь. Хороший бой... – говорит искренне.

– Спасибо, учусь у легенд. Все бои Ваши пересмотрел. Круто!

Барин смущается, но ему явно нравится моя лесть. Хотя правда, дерется он отменно, не как гомик, хоть и...

– Да хорош, загонять. Что там. Я ж в тяжеловесах. У нас по – другому все... В твоём весе нужно лучше телом владеть...

Слышу цоканье каблучков. Поэтому последние слова – объяснения Барина тонут в звоне, отдающем гормонами в моих ушах... Она тоже теперь подходит к нам...

– Я устала, Кирилл, может, поедим? – говорит, словно меня и не замечая.

Даже бесит это. Зачем тогда были все эти переглядки, когда я дрался в октагоне?

– Сейчас поедим, – выдает, не поворачивая на нее головы, Барин, – дай пообщаться две минуты.

– Поздравляю, – бросает она, наконец поднимая глаза на меня, но тут же опускает их так, что член снова сводит от этого порхания длиннющих ресниц – такого соблазнительного и невинного, сука, одновременно, – красивый бой...

Я усмехаюсь, радуясь внутри, что зацепился за факт нашего начавшегося диалога, как утопающий за соломинку. Ее голос очень сексуальный... Вот прям как она сама... Нежный, негромкий, и в то же время с цепляющей внутри что – то мужское, самцовое, страстной хрипотцой, эдакой вокальной поволокой...

– Красивый?

– Вы хорошо двигались. Предугадывали движения противника. Это была грациозно. Как танец...

Мне нравится, как она говорит.. Я от одного этого готов кончить... А еще она пахнет как – то фантастически. Ванилью, теплом... Сладкая...

– А кровь не пугает красивую девушку?

Она поднимает на меня странный взгляд, какой – то многозначительный.

– В жизни столько всего может испугать красивую девушку помимо крови, что нет, не пугает...

Мы смотрим друг на друга. Немного палевно это выглядит, наверное, со стороны. Словно мы вдвоем. Никого вокруг нет. Становится неудобно перед Бариним. Я снова перевожу на него взгляд...

– Это Бэлла. Моя подружка... – вдруг разрезает наше многозначительное молчание он.

Интересно, подружка? Не стал мне врать, что она его баба или что он имел ввиду?

Я молча киваю головой, сам не представляюсь.

– А это Алан, сын Алмаза... Ты о нем, наверняка, слышала...

– Я помню, – перебивает его Бэлла, – поздравляю еще раз, Алан. Я тебя в машине подожду, Кирилл. Здесь сильно накурено... Голова разболелась...

– Хорошо, – отвечает Барин, – Дава, проводишь мою девушку до машины? А то стрёмно отпускать ее одну. У вас тут много голодных мужиков...

Мы снова встречаемся с Бэллой глазами. Она кивает своему так называемому «парню», со мной не прощается, просто уходит. А мы продолжаем говорить с Бариним.

– Хороший бой все – таки, Алан... Слышал от Давида, ты переезжать в Москву надумал? Правильное решение. Там сейчас все бабки от боев крутятся. А отец как к этому относится?

– Он пока не особо в курсе, – отвечаю я честно. Не то, чтобы мне хочется делиться с Бариним откровениями. Просто его вопрос закономерен. Когда твой батя один из лучших тренеров, странно выглядит, что сын от него бежит за океан, но при этом хочет добиться успеха в его же деле... Просто я понимаю, что мне это нужно. Отец слишком меня любит, слишком мною дорожит... А еще он слишком любит мою мать. Поэтому все эти ее манипуляции в духе –

«пусть он все – таки бросит это неблагородное дело и вернется к нормальной профессии», если они оба будут рядом, неизбежны... Да и слишком Алмаз эмоционально воспринимает мои успехи и промахи... Эмоции в нашем деле не нужны, он сам меня учил, и сам же скатывается к этим сантиментам, когда я рядом... И пусть формально он со мной жесток и суров, как и с другими своими бойцами, всех этих шепотков в спину, что, мол, Алмаз пылинки сдувает со своего сына, я слушать не хочу. Я это я. Алан... Я не второй Алмаз... Если не пойдет у меня, значит, не мое. Нарочно годами торчать в деле, если успеха не будет, не стану...

– Так или иначе, бро, считаю твоё решение правильным. Я бы поступил так же. Имей в виду, в моем бойцовском клубе тебе всегда будут рады... И... Ты смотри, если наставник будет нужен или тренер, обращайся...

Я поблагодарил Барина, мы сердечно обнялись и распрощались. А я задумался над его словами. Он действительно был хорош в своем деле. И многому у него можно было поучиться. А почему бы и нет? Может правда его в тренеры позвать? Наверное, даже Алмаз бы разрешил...

– Алан, – услышал сзади воркующий голос и одновременно почувствовал теплые мягкие пальцы на спине, – как ты напряжен. Давай я сделаю тебе массаж. Или мы...

Обернулся через спину. Про фей – то я и позабыл... Девушка томно и многозначительно на меня посмотрела, облизала губы, дала возможность мне хорошенько рассмотреть ее облаченное в вызывающие черную кожаную юбку и короткий топик тело. К фее тут же поспешили присоединиться ее товарки. Побоялись, что упустят лакомую добычу... В этом ведь парадокс этих товарно – денежных отношений. Мы, мужики, думаем, что это мы их покупаем и имеем, а они убеждены, что это они нас трахают, высасывая как можно больше денег. И для них это тоже рыбалка – поймать наживу пожирнее, чтоб больше с нее получить «мяса». Гадко это все, конечно, до оскомины во рту...

Девки начали призывнее и активнее меня окучивать. То и дело касались друг друга, гладили, соблазняли на групповуху, как вариант. Та, что подошла первой, опустила взгляд на мои шорты и многозначительно облизнулась. Я и сам перевел взгляд вниз. Надо же, у меня, оказывается, стояк... Вот только наличие этих жалких пигалиц рядом с этим никак не связано... В ту же секунду я понял, что этот отчетливый, щекочущий нос аромат сладкой ванили растворился в воздухе, уступив место приторной вони дорогих парфюмов девок вокруг. Я не хотел ни одну из них. Впервые в жизни отказывался после боя от хорошего секса. Аж самому стало смешно.

– Нет, красотки, сегодня найдите себе другого героя.

Не стал слушать их уговоры в спину. Сразу развернулся и снова направился в душ. Не знаю, зачем. Хотел смыть мысли о ней. Смыть понимание того, что она уехала с этим Бариним, хоть Давид и заливал, что у них фиктивная дружба. Плевать. Просто как – то все это было странно для меня... Такая красивая девушка – и какая – то грязь вокруг. Почему никто ее не остановил? Почему она влезла во все это? Мне казалось, такие принцессы должны с нема-

никюренных ногтей находить своих принцев и жить с ними долго и счастливо... А здесь... Какой – то вебкам... Какая – то грязь...

Вышел из душа, обмотавшись полотенцем, но не вытираясь. Увлажненное водой тело тут же остыло от соприкосновения с кондиционируемом воздухом. Может хоть так успокоюсь, выдохну... Давид уже вернулся. Что – то он все же какой – то слишком злой, напряженный... Проблемы у него может? Надо спросить. Не хорошо это. Мне рядом нужен спокойный агент, уравновешенный, каким всегда был для отца Руслан. Тем более, что Давид – то как раз и топил за то, чтобы я перебирался в Москву, к нему в вотчину.

– Что, проводил? – усмехнулся, обтирая волосы.

Тот что – то пробубнил нечленораздельное. Налил себе стакан вискаря. Тут же залпом осушил.

– А где телки? Не понравились? – плюхнулся в кресло рядом, – какой – то ты скучный становишься, Алан... Еще не женился, а мы уже тебя потеряли... Ни тебе тусовок шумных, ни оргий, ни групповушек... После боя же это непреложное правило...

– Ты ж знаешь, Дава, я никогда на этом всё не специализировался... Девки незачетные были... Дешевизной за версту несло... Ладно, не хочу тебе вечер портить... Ты вызови водилу. Я по – тихому через черный ход уйду, чтоб внимание не привлекать. В отель поеду. Лучше с отцом перетру... Надо ему все – таки сказать про Москву. Лучше пусть от меня узнает, чем от других...

– Хорошо, – засуетился друг.

– И это... Что ты там говорил? Вебкам? Что там надо делать, чтоб войти? Регистрация – шмегистрация?

Давид перевел на меня взгляд и прыснул.

– Серьезно? Зацепила соска? Ну ты даешь... – его верхняя губа как – то некрасиво дрогнула, презгливо что ли.

– Ну, почему сразу она... Просто посмотрю, мало там телок. Ты столько расхваливал мне. Типа лучше порнухи. Как не посмотреть – то? Со стояком – то надо что – то делать...

Давид снова заржал. Почему – то захотелось ему в этот момент е...нуть...

– Ладно, брател. Все понял. Водила внизу, ждет тебя. Я тебе сейчас, пока в дороге будешь, все пароли – явки скину, поиграйся... И что там с теми телками? Ты их отпустил? Далеко успели уйти? Я догоню?

– Недалеко, наверное... Успеешь вернуть... – сказал, натягивая на себя куртку и поднимая капюшон так, чтоб максимально скрыть лицо.

Глава 3

Алан

Я уже сидел в автомобиле, когда телефон пискнул в кармане. Давид со своими дебильными смайликами и ссылкой.

«Лови, ловелас... Сайт Chitby. Зачетный... Там только иностранцы. Регистрация в два клика. Привяжи сразу кредитку, потом со стояком обламывает этим заниматься, а ты гарантированно захочешь приват... Телки русские в основном. Посмотри топы... Там она...»

Я чертыхнулся про себя. Вот чем я занимаюсь. Лучше бы Милене позвонил. Да ведь поздно уже. И сессия у нее сейчас, экзамены, что отвлекать. Потом я, конечно, признаюсь себе, что просто находил аргументы. Я потом много аргументов буду находить.

– Что означает «приват»? – пишу в ответ, потому что правда пока не вкурил, как все это работает...

Снова смайлики в ответ.

«Когда телочка уходит с тобой в тет – а – тет. Ее тогда только ты видишь по вебкаму. Только с тобой общается... А дальше на что ее раскрутишь, то и будет...»

– В смысле? – пальцы сами отбивают вопрос. – Это как съём что ли работает...

Телефон пищит – смотрю на дисплей, Давид звонит... Поднимаю, хоть и хочется сбросить, честное слово...

– Короче, Шерлок, легче набрать тебе, чем писать... Секса в реальном смысле там не жди. Это не сайт с проститутками. Это просто девчонки со всего мира, которые хотят зарабатывать общением. Речь идет прежде всего о вашем разговоре, флиртом, по интересам... Есть девицы, работающие по извращениям, есть жесткая эротика со всякой мастурбацией в эфире, есть хот флирт... Твоя красотка как раз из третьей категории – просто болтает в прямом эфире на приятные темы – легкие заигрывания, комплименты, танцы, жеманничанья, от которых так прёт мужиков. Сайт, на котором она висит, формально бесплатный... То есть система такая – хочешь чего – то большего – разговора тет – а – тет или каких – то действий модели, платишь...

– Я все равно не пойму смысл этого вашего вебкама. А на хрена мне это общение? Мне что, общения мало?

Давид снова прыскает в ответ. Ну, тебе может и хватает, а миллионам мужиков по всему миру, наверное, нет... Ты даже не представляешь, сколько готовы платить просто за разговоры, пусть и с красивыми девочками с элементом флирта... Мир одинок, Аланчик... И даже те, кто оказывается в сорокет с тремя детьми, на поверку тоже бывают не менее одинокими, чем жители необитаемых островов... Ну да ладно, это философия... Да, и еще... Не пали, что ты русскоязычный... Сайт блокируется в России. Там такая система, специально для защиты девчонок... Они все в основном славянки. Это придумано, чтобы свои не могли вычислить и не стали пресовать или шантажировать... У нас, как ни крути, общество жестокое...

Я усмехаюсь...

– И как тогда вся страна знает, чем она занимается?

– Ну, со страной ты хватанул... Бэлла хоть и красотка, но поверь мне, есть рыбы намного пожирнее... И наглее, и отвязнее, у которых реально на этом самом вебкаме большой бизнес поставлен... Она просто попала... такое тоже часто бывает. Ты ж понимаешь, все эти ограничения условны – у нас сейчас ви – пи – эны, все почти ездят по миру, многие на английском говорят... Короче, слили ее фотки в сеть, написали, кто такая... Это менеджеры, скорее всего, у них же доступ к документам девушек. Не поделила с ними какой – то заработок – вот и прилетела ответочка...

Не стал больше у него ничего спрашивать. Хватит уже этих смешков. Самому гнусно от всей этой ситуации... Может все – таки мозг включится и не буду х... ней страдать...

Снова писк телефона. Матерюсь вслух. Ну что еще...

«Она там под ником Свити...»

Сука... и что же меня так повело по какой – то левой бабе. Откидываю телефон в сторону. Ругаюсь вслух. Свити. Сладкая. И правда сладкая... До сих пор ноздрям щекотно, стоит только подумать о ее ванильном запахе... Резко потрянул головой, слишком много я времени трачу на мысли о грязной продажной телке... Потом я пойму, почему же она меня сразу так сильно зацепила. Но это будет только потом... А сейчас я наивно полагал, что просто поиграюсь, что все происходящее – не один большой ядерный апокалипсис в моей жизни, а просто игра...

Я зашел в холодный от кондиционера номер. Сразу направился к бару. Налил себе вискаря, осушил рокс одним глотком, даже не успев добавить льда и дать ему немного растаять в янтарной жидкости. Нужно было хотя бы немного снять напряжение, так и не отпустившее налитые свинцом мускулы еще с боя. Уставился на лежащий на столе ноут. Усмехнулся себе под нос...

Неужели я буду это делать? В сущности, а почему бы и нет? Ведь этим действительно занимаются миллионы. Не секс по телефону, так порнуха, не порнуха, так этот новомодный вебкам... Как – то так странно устаканилось в коллективном сознании современного обще-

ства, что такими вещами баловаться незазорно и все это делают, что это, мол, естественная потребновть организма... Правда, «индугленция» работает только в одну сторону- если ты «потребитель»... А вот если ты сам генерируешь этот контент-пошады не жди. Общественное порицание обязательно настигнет тебя, будь ты эскортницей, проституткой, веб-моделью или порноактрисой... Я и сам их всех осуждал. Бл...дство это все, как ни крути... Вот не могу я представить, что моя Милена вдруг возьмет и даже просто включит порнуху. Не поверю никогда... Мысль о невесте сейчас самому не понравилась. Отогнал ее быстро подальше и включил компьютер...

Все оказалось действительно просто. Пару кликов, придуманный ник, предварительный ввод данных для онлайн – оплаты. Через пять минут я был уже в системе. С удивлением установился на десятки окошек с девочками... Сотни хештегов и поисковых слов, куча подгрупп. Все как на рынке. Любой товар за ваши деньги. Захожу в категорию «хот флирт», как учил Дава, и реально, вижу ее в топах. Узнаю сразу. Она онлайн, сидит на стуле за компом, явно в гостиничном номере, как и я. Еще бы, она ж в отеле, наверняка. Барин притащил ее из Москвы на бой сюда. В груди снова начинает свербеть, когда думаю о нём, хоть я понимаю, что, скорее всего, Давид не гонит об ориентации Барина и он правда ею просто прикрывается. Ну, не смотрел он на нее сегодня, как на свою бабу, но все равно неприятно...

Ее иконка совсем маленькая, но я даже с такого микрорасстояния могу рассмотреть ее длинные красивые волосы, фарфоровую кожу цвета слоновой кости, темные брови дугой... Она очень изящная. Как куколка... Про такую хочется говорить как – то возвышенно. Ее красота, как марочное вино. Не шумрдяк. На фоне всех этих силиконовых губ и сисек, розовых волос, пирсингов во всех частях тела и красных ногтей, как у Фредди Крюгера, она выглядит совсем иначе... Интересно, если она так популярна, значит, натуральность нынче все – таки в моде? Жаль девчонок. А они – то, наверное, и не в курсе, раз так активно и отчаянно себя тюнингуют...

Я нажимаю на иконку и вхожу в чат. Пока общий. Теперь она ближе, почти на весь экран. Непроизвольно трогаю его. Провожу пальцами по дисплею там, где ее лицо... Дико меня тянет к этому лицу... Совершенному, породистому... Действительно, красивая. Это не первое впечатление, как я думал. Вижу, как внизу всплывают один за другим сообщения. Мужики пишут в чат. Глаза бегут по строчкам – и через пару мгновений мне уже хочется разбить компьютер. То и дело всплывает какая –нибудь мерзота от какого –нибудь уroda. И как она это терпит? Я же вижу, она читает это все... Но только мило улыбается, иногда отвечает на вопросы, если они приличные. А если нет – просто игнорирует. Делает вид, что ей не обидно, что какая – то мразь пишет ей уже пятый раз «покажи п...ду»...

«Мальчики, как вам моя музыка?» – спрашивает на английском. Теперь улыбаюсь я. У нее акцент, довольно сильный, и в то же время, он ее только украшает. Да и говорит она довольно бегло, бойко. Интересно...

Только теперь прислушиваюсь к тому, что на заднем фоне у нее какая – то классика...

Пальцы тянутся к клавишам. И я, стуча сердцем, пишу свое первое сообщение в веб-каме...

– Красиво. Это что?

Снова улыбка. Ее глаза загораются. Или мне это только кажется... Есть ощущение, что она испытывает облегчение, что, наконец, задан приличный вопрос, за который можно зацепиться...

– Это Шопен... Мой любимый композитор... Он ассоциируется у меня с морем, весной, лесом... А у Вас?

А у меня теперь он будет ассоциироваться с ней. Всегда...

Красивая... Какая же красивая улыбка. Чистая... Не отсюда... Не из этой помойки в виде сотен окошек с девицами без души, которые готовы себя продать за поганые донаты (прим. – вознаграждение на сервисах веб – кам моделям).

– Ты любишь классику? – сам усмехаюсь себе, что пишу ей на английском, хотя мы спокойно могли бы не выпендриваться и разговаривать на русском, но сейчас это было бы неосмотрительно, отпугнуло бы ее.

– Обожаю... – Отвечает искренне. – Она успокаивает. И воодушевляет... Даже когда совсем плохо, слушаешь и понимаешь, что есть надежда на завтра...

– А что еще любишь?

Бэлла, то есть Свити, прикусывает губку, отчего мой член болезненно дергается в штанах. Думает...

– Ммм. Люблю рисовать. Очень. Карандашом. Или углем...

– Нарисуй мой член... – вылезает очередное поганое сообщение от какого – то юзера.

Я ругаюсь вслух и быстро пытаюсь разобраться, что делать. Пару кликов – и зову ее в приватный чат. Просто для того, чтобы все эти уроды не писали ей гадостей...

На экране высвечивается новое окно, и теперь больше нет всех этих тупых сообщений извращенцев. Зато есть мой голос. Я не включаю камеру. Не хочу, чтобы она узнала меня и смущалась. Но поговорить с ней хочу...

– Привет, – выходит хрипло. Потому что я взволнован и чертовски возбужден...

Глава 4

Алан

Я проснулся с очень странным, противоречивым ощущением на душе, списывая головную боль на такие характерные для ранней осени в Чехии тяжелые свинцовые облака за окном, явившие комнате свой мрачный лик, стоило мне только раздвинуть плотные шторы.

Развернулся, снова плюхнулся в постель. Во сколько я лег? В 3 – 4 часа ночи? Не помню... Сколько мы с ней поболтали? Тоже толком не помню. Наверное, можно понять, если посмотреть последние списания с карты. Что точно припоминаю – как я покупал время с ней в привате каждый раз по максимуму – на час, а уведомления все пищали и пищали, что наш лимит опять истекает...

Бэлла... Свити... Все происходящее было действительно странным. От того, что такая, как она, сидела там, по ту сторону экрана и продавала себя... Да, это была именно продажа, а как иначе назвать необходимость общаться с первыми встречными мужиками, выслушивать от них всякую, в том числе извращенную, чушь и при этом делать вид, что все это ок? Да и наш разговор... Я ожидал, что она будет другой. Более развратной, вызывающей, заигрывающей... Нет... Бэлла оказалась очень естественной, даже какой – то, мать его, ранимой, что дико сбивало с толку, а главное, как мне показалось, тонкой и неиспорченной... Самому смешно от этого глупого вывода. Неиспорченная? Девушка, работающая в вебкаме? И всё же... Наверное, человек, идущий таким путем, должен быть хорошим актером. Его удел – притворяться. Я не исключаю, что она грамотно нащупала почву в общении со мной и повела разговор, выстраивая его именно так, чтобы зацепить меня. Чтобы я и правда думал, что она прекрасная, возвышенная нимфа. А с другими она, может, и была развратной шлюшкой. С другими... От этой мысли внутри все заклокотало...

– Так ты любишь рисовать? – спрашиваю ее, как только мы переходим в приватный чат и ее больше не видят эти гребанные козлы...

– Люблю... – улыбается естественно, непринужденно. Наверное, это хорошо, что она не видит моего лица. Ей так легче. А мне... Мне тоже. Я не готов признаться пока ни ей, ни всему миру, ни даже себе, что больше всего сейчас хочу не невесте своей отвечать, которая звонит за последние тридцать минут уже третий раз, а смотреть на эту красавицу, слушать ее... Зависать на ней...

– А что рисуешь?

– Ну, по – разному. Я самоучка. Мой потолок пока – студия ИЗО в нашей школе. Так что в основном руководствуюсь чувствами и эмоциями. Ну и как рука ляжет. Люблю рисовать лица... Глаза... Мне кажется, глаза многое говорят о человеке. Хотя зачем я это рассказываю... Звучит очень банально, все так говорят, наверное...

– Любимый художник?

– Ван Гог...

– Почему именно Ван Гог? Разве это тоже не банально?

– Нет, не банально... Я люблю Ван Гога не за «подсолнухи», как другие... И даже не за отрезанное ухо... Непризнанный гений, пугавший современников своим новаторством, резкостью и несдержанностью... Ему удалось продать всего несколько картин при жизни. Людям понадобилось не одно десятилетие, чтобы понять и осознать величие гения его несдержанных, подчас даже резких полотен. Смотрели «Сны Акиры Куросавы» Мартина Скорсезе? «Пейзаж, похожий на картину, не годится для картины... Когда я вижу красоту природы, я просто растворяюсь в ней. А потом, будто во сне, картина получается сама собой. Но ее так трудно удержать внутри. И тогда я разгоняюсь, как паровоз. Я работаю, как раб». Удивительный человек... Бессмертное творчество...

Я одновременно удивляюсь и усмехаюсь про себя. Какой забавный у нее английский – с ошибками, но такой беглый, а главное – она легко и непринужденно передает мысли, далеко не глупые мысли, такие не заучишь шаблонно, чтобы произвести шапочное впечатление. Это многого стоит...

– А Вы? – спрашивает она инициативно, – любите рисовать?

Самое забавное в моей ситуации, что ведь я правда, люблю... Дело в том, что моя мать – крутой архитектор, которая в буквальном смысле слова посвятила свою жизнь тому, чтобы я пошел по ее стопам, выбрал «благородную» профессию, как она любила говорить, косвенно намекая, что дело отца – всемирно известного бойца, пусть и принесшее ему славу и богатство, это далеко не тот путь, который стоит выбирать мальчику, родившемуся, как говорят в США, с серебряной ложкой во рту (прим. to be born with a silver spoon in one's mouth – родиться в богатстве и достатке). Так вот, в моей ситуации смешно то, что я тоже архитектор. По крайней мере, отучился на архитектурном, вот только никакой тяги работать по специальности у меня никогда не было... Зато была тяга к боям... Извечная драма нашей семьи и постоянный повод для моей матери переживать и закатывать сцены отцу...

– Люблю... – выдаю я, – и неплохо, кстати, умею это делать.

Не знаю, зачем я это добавил, точно не для того, чтобы хвастануть. Наверное, чтобы ее заинтересовать, повести разговор на эту тему дальше...

– Вы художник?

– В каком – то смысле, – отвечаю, усмехаясь про себя, – я архитектор. Правда, не работаю по специальности.

С лицом Бэллы происходит что – то удивительное. Оно вмиг озаряется, становится таким восторженным, искренним.

– Архитектор... Это моя мечта... Я считаю, на свете нет профессии лучше и благороднее. Созидать, облагораживать пространство вокруг себя...

– Сколько тебе лет? Все еще впереди. Научишься...

Она воодушевлена, закусывает губу, видимо, думая, говорить мне правду о возрасте или нет.

– В смысле, еще не поздно поступить в институт... Или ты уже учишься?

– Не учусь... – отвечает она, словно вмиг погрузнев, – мне девятнадцать. Пробовала, но провалилась. Не... смогла поступить...

Я понимаю, что она врет. Не пробовала она. Не знаю, что там у нее за история, но явно не сказочная. Думаю, в вебкам, как и в эскорт, как и в проституцию не идут от хорошей жизни...

Девятнадцать... Господи, совсем еще малютка. Мне даже в мои двадцать пять кажется, что вся жизнь впереди, что весь мир вокруг меня старше и мудрее, а ей всего – то девятнадцать...

Я снова всматриваюсь в лицо Бэллы. Я теперь понимаю, почему при таком огромном количестве предложений на этом рынке она так популярна, почему в топах... Бэлла – как соприкосновение с произведением искусства. И дело не в том, что она пытается поразить первого встречного этой своей любовью к классике и достойными хобби. Она на физическом уровне очень искренняя. Красивая. Породистая. Штучный экземпляр, эксклюзив. Девочка, как же ты сюда попала. Как тебя угораздило.

Мы говорим несколько часов – обо всем на свете. Она спросила, откуда я, на что я ответил в принципе правду – я из США. Она просила рассказать, как люди там живут и искренне удивлялась, когда я говорил о недочетах жизни там, недовольстве населения высокими налогами, отсутствием доступной здоровой пищи, косностью и недалекостью обывателей и своей энергетической нелюбви к Штатам. Она думала, что за океаном все идеально, как в голливудских фильмах... Не бывает ничего идеального, девочка... Разве только ты могла бы быть, если бы не сидела сейчас по ту сторону экрана «на вебке» и не продавала время разговора с собой...

Когда я увидел, что ее глаза слипаются и сам почувствовал, что вот – вот вырублюсь от усталости после реально тяжелого дня, несмотря на зашкаливающий адреналин от разговора с ней, заставил себя, наконец, попрощаться...

– Ложись спать, Свити, – сказал тихо, непроизвольно протягивая руку к экрану. Хотелось коснуться ее идеальной кожи цвета слоновой кости, даже так, – иди уже спать.

Этот дурацкий ее псевдоним жутко резал мне слух, мне отчаянно хотелось назвать ее настоящим именем, но я держался... Это бы дико ее испугало. А последнее, что мне сейчас хотелось, так это пугать малютку...

– Спокойной ночи... – улыбается она открыто – и я вижу, наверное, ее единственный недостаток – немного наклоненный внутрь передний зуб... И самое удивительное, что он отнюдь ее не портит, а напротив, придает изюминки...

– Спасибо... – добавляет она нерешительно.

– Не за что. Твое время стоит денег. Я их заплатил. Не надо благодарить...

– Я не про это... – тихо перебивает она, – спасибо, что... не просил... раздеться или что – то еще, что другие просят...

Я не отвечаю ничего... Просто выхожу из чата и с силой бью кулаками по столу. Сон снимает, как рукой. Сука... Что ж со мной происходит... Опять я испытываю дикую ярость, стоит мне только подумать о других ее «общениях» в чате. Еще и этот Барин гребанный заднеприводный... Надо бы разузнать завтра побольше о том, что их связывает...

Мой сон беспокойный... Она не оставляет моих мыслей даже в царстве подсознательного. Снова и снова, сквозь сбитую, как скатавшаяся комками перина, дрему, я прокручиваю в голове детали нашего разговора... Вместе с приятным послевкусием от умного, целостного общения остается еще и ощущение горечи пепла на губах. Я словно с похмельем. Бросаю взгляд на мобильный, про который забыть забыл. Десятки сообщений от Давида. Даже читать не хочу. Наверняка, опять стебётся про мои приключения в вебкаме. Ан нет, это Милена. Блин, я так и не перезвонил ей. Шесть пропущенных... А она ведь поздравить меня хотела с победой в бое. Дурак я, конечно. Конченный. Открываю ее ватсапп. Глаза цепляются за аватарку. Красивая невеста у меня, умная, правильная. Брови дугой, круглое лицо с губками – бантиками, которые так и хочется целовать, всегда идеально убранные в высокую прическу волосы...

Набираю и облегченно выдыхаю, когда она поднимает после третьего гудка и в голосе нет ни намека на упрек. Умная девочка, кроткая...

– Салют! Прости, Миленка, устал пипец как, вырубился вчера... – начинаю я разговор с беззастенчивого вранья...

Наверное, стоило бы мне тогда поставить зарубку – с почином... Первая ложь... Потому что потом её будет много. Очень много...

– Ну что, герой – любовник киберпространства, оттянулся вчера? – усмехается Давид, подбегая ко мне, стоило мне только пересечь двери спортклуба, – судя по синякам под глазами, весело и плодотворно всё прошло, да?

Я не хочу с ним сейчас об этом говорить. От слова совсем. Молчу, направляясь к раздевалке.

– Да ладно, что за молчанка, брат? Рассказывай, как она, а? Сиськи ее видел?

Он нарывается... Вот честно... Но я сдерживаю себя. Не стоит. Не сейчас. Не за неё...

– С чего ты взял, что она должна была показать мне сиськи? С чего ты вообще взял, что я с ней общался?

Давид усмехается в ответ. И эта его усмешка звучит, как хрюканье.

– Я что, дурак, по – твоему? Я ж видел, как ей сначала начал заливать в общем чате про высокое какой – то «Делон», а потом он же увел ее на несколько часов в приват... Да за это время можно было заставить ее не только сиськи показать...

– Заткнись, Давид, – цежу я сквозь губы, – хватит уже о ней говорить...

У самого все внутри клокочет. Я идиот. Идиот, что повелся на все это. Идиот, что записал себя под своей же детской кличкой – родные так частенько надо мной подтрунивали, называя по приколу фамилией моего известного тезки – актера. Идиот, что столько времени торчал с ней в чате. Идиот, что думаю сейчас про нее. Идиот, что до сих пор не врезал этому самодовольному козлу, который, сука, сам сидел вчера в этом чате. Смотрел на нее...

– И как часто ты там зависаешь? – спрашиваю я зло. От того, чтобы взорваться, меня отделяет пара секунд. Один шаг. Один взмах кулака...

– Ну, бывает... Что ты смотришь волком? Вчера я у нее в чате зависал чисто по приколу, за тобой понаблюдать. Понять, под каким именем скрываешься ты из всех ее поклонников. А так, на ней свет клином не сошелся, «на вебке» девчонок горячих тысячи. Это у тебя какой – то нездоровый интерес к этой шмаре...

Я не выдерживаю и все – таки бью ему по носу. Давид орет и быстро хватается за переносицу, чтобы остановить брызнувшую кровь. А меня все реально бесит. Разворачиваюсь и иду обратно к машине. Успеваю только завести мотор, как начинает трезвонить телефон... Снова и снова. Смотрю на дисплей – отец. Ну вот, важного разговора не избежать... Выдыхаю и отвечаю, чтобы услышать, что через полчаса он ждет меня у себя...

Глава 5

Алан

Я все – таки признался отцу, что планирую в ближайшее время перебраться в Москву. Он ожидаемо ничего не сказал, только губы поджал. Алмаз никогда сразу ничего не говорит, когда слышит какую – то новость, даже если очень недоволен, даже если тема сильно его цепляет. Мне бы его выдержку. Знаю, что все самое сложное впереди – и расстройство по этому поводу мамы, и тяжелая разлука с родными. Жизнь, по сути, через океан... Но я решил – сейчас это именно то, что мне нужно... И город именно тот, который примет меня энергетически. Я хочу окунуться в московский дерзкий вайб. В этот вечно не спящий, суровый, как его переменчивая погода, погрязший в пороке и жажде денег мегаполис... Тренировки во Флориде – это уход в себя, самодисциплина, самосозерцание. Это хорошо для тех бойцов, у кого на уме только победа и религия. Сейчас таких все больше. Это модно... Во мне же есть эта

несдержанная энергия, за которую меня так ругает отец. Ей нужен постоянный выхлоп, иначе я начинаю косячить. В сущности, из – за этого я и подался в бои... Боялся, что мое сидение в белой рубашечке и приталенном костюме в кабинете с окнами в пол на сотом этаже выльется во что – то нехорошее для окружающих... Так что Москва, жди... Пока так. Что будет потом – посмотрим, но сейчас так правильно, что бы ни думал отец, да и Милена будет счастлива. Не придется ей уезжать далеко от родителей...

Не считая неприятного осадка от разговора с отцом, который ввергает в смятение именно этим своим многозначительным молчанием, день проходит хорошо и спокойно, я снова в ресурсе. Мысли о матери с отцом и нашей разлуке перетягивают внимание на себя. Ко второй половине дня я возвращаюсь в зал, интенсивно занимаюсь, рано ложусь спать, сознательно измотав себя так, чтобы не было мыслей на всякую херь... У меня – таки получается о ней не думать, и даже это двоякое чувство простирает отпускает. Есть вещи и поважнее в моей реальности...

Зато следующее утро встречает диким стояком. Таким, как у малолеток в пубертате – болезненным, вспухшим, каменным... Мне бы сейчас телку какую – нибудь непроблемную по – быстрому, да только не хочется. Сама мысль противна. Иду в душ, пытаюсь утихомирить свою физиологию холодными струями – не помогает. Опускаю руку на член, сжимаю его, начинаю действовать механически и... В голове вспышками Она... Нагрелась опять, как гроза... Ее улыбка, ее губы, ее глаза... Горло обдирает яростный стон – хрип, ладонь работает, как поршень, я чувствую, как накаляется кожа, а болезненное напряжение никак не отпускает, только растет внутри тела, словно готовится его вот – вот разорвать. Я извожу себя и матерюсь, но не могу кончить... Просто не могу... Впервые такое... Бью со всей дури по кафельной стене, от чего на белой плитке остается тонкая сероватая изогнутая трещина, словно змейка. Ругаюсь вслух...

Уезжаю в зал... Лучший способ скинуть напряжение – отпахать на снарядах до изнеможения, пока с тебя не сойдет десятый пот. Это уж точно поможет. Всегда помогает. У многих спортсменов золотое правило – никакого секса во время подготовки к бою и самих соревнований. Не зря ведь... Пусть невысвобожденная энергия будет направлена в нужное русло... Два с половиной часа в зале действительно заставляют меня конкретно подустать, вот только главная проблема не решена...

Как только я сажусь в авто, руки сами тянутся к телефону. Я захожу на эту проклятую страницу сайта вебкама и нервно сглатываю слюну, когда вижу под Ее аватаркой, что она в сети. Посреди бела дня... Почему?

Вступаю в общий чат – недоступно. Бл...! С силой бью по рулю. Это означает, что она с кем – то в личке... Что – то там делает очередному гон...ну...

Вдох – выдох, вдох – выдох... Пытаюсь прийти в себя... Пытаюсь успокоиться, но получается с трудом. Откидываю телефон на заднее сидение и газую, направляясь напрямиком в отель. Параллельно прокручиваю в голове, как мне разузнать и через кого, что у нее там с Бариним. К Давиду не хочу обращаться, значит, нужно действовать через кого – то другого. Пока не понимаю, через кого.

Мне требуется сорок минут, чтобы добраться до номера, плюхнуться на кровать прямо в спортивном костюме, в котором приехал, и снова зайти в этот гребанный чат. Свити теперь на связи с уродами в общем чате. Снова улыбается и что – то мило напевает себе под нос, то и дело откидывая с лица копну своих шикарных волос, которые мне хочется намотать на кулак с самого первого раза, когда взгляд упал на нее на боях...

Не спрашиваю и не здороваюсь. Сразу кидаю на счет сумму, трехкратную ее времени за часовой приват, и перехожу в личный чат.

– Привет... – говорит она смущенно и немного ошарашенно. Словно не ожидала, что я вернусь.

– С кем общалась? – спрашиваю, едва сдерживая гнев, даже не удосуживая себя ответить на ее приветствие.

Бэлла дергается, словно я пролил кипятка на ее коленки. Я снова оставляю свою камеру выключенной, снова изучаю скрупулезно ее реакции, ее поведение. Вижу, как ее лицо меняется. Растерянности и искренности на смену приходит холод и отстраненность. Смешнее всего то, что они ей тоже дико идут. Снежная королева. Вот на кого она сейчас похожа. И у меня в голове сразу роем вьются гадкие мысли – как бы измазать ее снег чернотой реальности... Чтобы какая – то долбанная дешевка из вебкама не заставляла меня думать о ней денно и ночью, словно о наркоте...

– Есть у меня один постоянный мембер (прим. – на жаргоне вебкама – клиент), – говорит так, словно бросает мне вызов, вздергивает подбородок.

Сучка... Вот как сегодня заговорила.

– А что мне сделать, чтобы я стал твоим постоянным мембером? – спрашиваю чрезмерно резко. Так, что она снова дергается...

– Плати – и будешь... – в глазах глухая пустота.

– Зачем? Зачем ты этим занимаешься? – не выдерживаю, выдаю ей, не в силах больше играть по этим гребанным правилам флирта, делая вид, что все ок... Ничего не ок!

– Если хочешь читать мне нотации, прямо сейчас забирай свои деньги обратно – есть такая функция, пока не прошла четверть времени от заплаченного – и выходи...

Чертыхаюсь про себя... Щеки горят. Если сейчас надавлю еще сильнее на нее, то точно отпугну ее... А я... Я сейчас хочу совсем другого...

Бэлла облизывает губы произвольно. Она тоже нервничает, это не попытка соблазнения, это ее автоматическая реакция. А у меня опять сносит крышу. С силой сжимаю свой член, который сразу начал дымиться, стоило мне снова увидеть ее на экране.

– Раздевайся... – говорю я хриплым голосом.

Бэлла вскидывает подбородок, смотря в темноту экрана и даже не догадываясь, кто там, по ту сторону правды... Не ожидала от меня, малютка? Почему? Думала, и дальше будем про Ван Гога? Ты ведь так четко обозначила свою позицию про то, что вопрос только в деньгах...

– Давай, Свити, сними с себя хотя бы этот бесформенный свитер... Ты ведь специально его одела, чтобы мы, как ты говоришь, мемберы, захотели на тебя посмотреть... Снимай... Покажи мне то, что показывала предыдущему своему клиенту...

Она нервно сглатывает. Колеблется.

А я чертыхаюсь уже вслух, не выдержав, и скидываю одним нажатием в телефоне в онлайн – банке ей очередную солидную сумму. На экране с имитацией монетного звона приходит оповещение о поступлении на ее счет очередного «доната». Она нервно выдыхает. Скрещивает руки, опускает их и резко задирает шерстяную вязку джемпера наверх, оголяя полную, высокую грудь, заключенную в чашки аккуратного белого лифчика...

– Бл...дь... – вырывается у меня на русском.

И я вижу, как округляются ее глаза. Не ожидала и этого? Мой английский идеальный, я на нем вырос. Подумать, что я могу быть из России, если меня не знать, просто невозможно...

Наверное, она слышит мои стоны и хрипы... Сейчас мне плевать. Я смотрю на ее грудь и яростно надрачиваю себе...

– Покажи мне сосок... Потрогай себя... – глаза застилает похоть и вожделение. Мне мало... Мало этого гребанного экрана...

– Нет... – выдыхает она в слабом, сдавленном протесте.

Я рычу, продолжая мастурбировать. Когда она снова произвольно облизывает губы, я не выдерживаю, запрокидываю голову от мощнейшего удара оргазма по паху. Так хорошо и так чувственно, так больно и так неправильно...

Последнее чувство заполняет меня сразу, стоило только всполохам кайфа затихнуть... В этот момент я ненавижу себя... Чувствую, какой я жалкий во всех смыслах. Какой все – таки дурак. Резко отключаю телефон, гашу экран. Нет, это был первый и последний раз. Больше такого не повторится! Никаких больше вебкамов! Даю я себе клятвы, но...

Не прошло и суток, как я снова лезу в этот гребанный чат. На этот раз не зову ее в приват. Не пишу ничего. Наблюдаю за тем, что пишут другие. Пытаюсь для себя понять, какая она для них, с ними...

Это продолжается несколько дней подряд. Я живу теперь от вечера к вечеру. У меня в Праге неделя – столько было планов и дел, а все заканчивается зависанием вечерами в интернете. На второй день я все же позвал ее в приват, но она сделала вид, что не видит приглашения. Зато охотно приняла его от какого – то урила, который минутой ранее писал ей про то, что любил в детстве смотреть за тем, как моется в ванной его бабушка...

Бэлла сознательно меня динамит и на другой день. Это раздражает. Это вызывает гнев и странное чувство неприятного, неуместного соперничества с какими – то другими мемберами, которые смогли ее заполучить на тет – а – тет... Мне даже было бы самому смешно, услышав я со стороны вот такую вот муть. Ревновать телку из интернета к другим извращенцам, зависающим на сайте...

Моя бэлломания не ограничивается только просиживанием в онлайн. Я судорожно ищу ее фотографии, которых, оказывается, немало – популярным девушкам вебкама менеджеры часто устраивают фотосессии. Ее, к моему облегчению, красивые и притягательные, но не пошлые. Она не разделась ни на одной. И почему меня это радует? Наоборот, открыл бы, наконец, фотку с ее голыми сиськами и кончил, но нет. Я прочитал про слив – действительно, все, как говорил Давид, кто – то разослал скрины с ее онлайн – общением в республике, после чего Бэллу начали травить... Знаю, что туда она больше не ездит. Более того, родственники публично заявили, что отказываются от нее, чтобы отмыться «от позора». Понятно, что вся информация с каких – то третьесортных желтушных сайтов регионального пошиба, но, очевидно, этого более чем хватило, чтобы перечеркнуть эти страницы ее жизни навсегда...

Читаю про нее и про Барина. Вроде бы встречаются, уже как четвертый месяц. Живут в Москве, но точно раздельно. В статьях фото в основном с боев, несколько – с ресторанов. В комментариях, однако, злорадные подписи о том, что эти отношения – фейк, что вся Москва в курсе, какого «красавчика» на самом деле выгуливает Барин...

Вся эта чернуха пачкает меня. Ощущение, словно все эти дни я измазан какой – то неприятной, гадкой, зловонной массой... Всё это какая – то грязь... Ужасающая грязь, в которой образ любящей Шопена и Ван Гога девочки с кожей цвета слоновой кости и длинной шеей представляется нереальным...

Я снова не выдерживаю. Снова захожу в чат. Сегодня онлайн не так много людей. Пятница... даже самые одинокие люди, по ходу, выбрались наружу, чтобы позависать в барах и пообщаться с реальными людьми...

Я больше не рулю и не церемонюсь. Пишу ей на русском. Пока в общий чат.

– Привет. Хватит уже динамить меня. Давай нормально пообщаемся.

Тут же скидываю деньги.

Лицо Бэллы непроницаемое. Она ничего не отвечает, но переход в приватный чат не блокирует. Как только мы оказываемся тет – а – тет, начинает сама.

– Если ты один из тех козлов, которые пришли меня пристыдить и воззвать к моей нравственности, вали... Тошно уже... Задолбали...

– Послушай, нет... – отвечаю, пытаюсь хотя бы немного вернуть разговор в спокойное русло. Уже понятно, что эта ее агрессивность и игнор действуют на меня, как красная тряпка, – давай нормально поговорим...

– О чем говорить? – выдает она с усмешкой.

– Давай встретимся... – не тяну я резину дальше, – вживую... Я знаю, что ты еще в...

– Нет, – отсекает она грубо, – железное правило вебкама, жаль, что ты не удосужился его прочитать! Никаких встреч в реальности! Это красная черта! Ты ее перешел- я имею право прекратить наше общение прямо сейчас, прости!

– Бэлла, послушай меня! Я просто хочу пообщаться вживую, – спешу я, пока она не отключилась. Выхожу из тени, называя ее настоящим именем, параллельно включаю камеру.

Я знаю, что они с Бариним еще в Праге. Может это знак? И я здесь еще до воскресенья... Конечно, я ступил, надо было просто позвать его с ней на ужин, но... Голова плохо соображает все эти дни. Да и не нужен он мне сейчас с ней рядом. Я с ней общаться хочу, а не с этим хреном...

Я даже через экран вижу, как Бэлла узнает меня и бледнеет. Ее зрачки расширяются, рот слегка приоткрывается то ли в удивлении, то ли в ужасе, либо и в том, и в другом...

– Ты... – тихо произносит она, не моргая.

А потом я вижу замешанную на стыде боль в ее красивых, миндалевидных глазах... Таковую, отчетливую, реальную... Ни с чем ее не спутаешь... Ловлю этот взгляд, и словно растворяюсь в нем. Мне тоже сейчас почему – то больно...

В тот же момент экран гаснет... Тыкаю в него снова и снова – ничего... Захожу на главную страницу – ее нет. Перезагружаю программу – тоже... Когда мне на счет возвращаются деньги, всё понимаю. Она меня заблокировала... Так, оказывается, делают девочки «на вебке», чтобы избавиться от назойливых, неадекватных поклонников. Ну вот, приехали... Алан, ты теперь официально гребанный неадекватный сталкер, которого надо выкидывать из чатов...

Басы стучат по перепонкам. Башка раскалывается. Гребанное похмелье. Не от алкоголя. От Нее... Зачем я здесь? Зачем терплю эту быющую по ноздрям смесь пота, алкоголя и тестостерона? Разве мне этого не хватает на соревнованиях? Зачем все эти дешевые девки вокруг? Ненавижу ночные клубы... Они для тех, кто боится смотреть своим желанием в глаза без искажения софитов и вспышек светомузыки. Но я знаю, зачем... Я на охоте. И моя жертва передо мной... Вижу, как Она что – то шепчет этому своему козлу Барину на ухо, улыбаясь, а потом, покачивая бедрами, удаляется в уборную, грациозно лавируя по вип – зоне. Следую за ней, пробиваясь сквозь беснующуюся в танце толпу, на входе в туалет сую в руку охраннику купюру, чтоб не мешал. Захожу внутрь...

Приглушенный красный свет, басы остаются притупленными закрытой дверью снаружи. Она стоит у крана и моет руки. Встречается со мной взглядом в отражении и дергается. Вижу, как приоткрываются пухлые губки в немом вскрике. Как расширяются зрачки ее огромных вишен – глаз.

– Вы ошиблись, Вам не сюда... Это женский туалет, – говорит тихо, в глазах страх. Наверное, я сейчас действительно страшен. Узнала меня... Не ожидала увидеть вживую, явно...

Я подхожу вплотную. Чувствую себя голодным зверем перед лакомой добычей. Потому что все эти дни, пока наблюдал за ней, очумел от нее... Одурел... Пропитался ею, как сорокаградусным спиртом...

– Ты права, мне не сюда... – вжимаю в нее свои бедра, вдавливая в белый фаянс раковины, – мне вот сюда... – шепчу, вдыхая ее аромат за ухом и накрывая ее промежность в кожаных брюках рукой...

Бэлла резко дергается, пытаясь вывернуться. Шипит, как дикая кошка, а меня это заводит еще больше. Перед глазами кровавая пелена... Я бы засадил ей прямо здесь. Может тогда это наваждение хоть немного ослабит свою мертвую хватку на моей глотке...

– Пусти меня, урод... – цедит сквозь зубы, а я, дергая ее на себя, прижимаю к своему торсу и хватаю за грудь.

– Давай снова поговорим, а? Теперь вживую... Я все знаю... Знаю, что с Бариним у тебя для виду, чтобы не цеплялись и не угрожали наши с тобой земляки. Вот только ты думаешь, я один только знаю, что он гей? Как считаешь, реально ли ему будет смысл за тебя впрягаться, когда какой – нибудь фанатик из республики решит с тобой расквитаться? Я почитал, что про тебя пишут – жесьть... Мне бы самому стало страшно... И просто из города свалить не поможет... Я тебе могу предложить больше, Бэлла... Защищу тебя... В отличие от Барина, у меня будет резон тебя защищать... Потому что хочу тебя до одури. Ты мне себя – я тебе покровительство. Что скажешь? – шепчу я, не отпуская, хоть она и артачится. Ее сладкий, ванильный запах снова сносит голову... Какая же она... Дурман...

– Я тебе уже все сказала, Алан! Оставь меня в покое! Я сейчас же расскажу обо всем Барину! Посмотрим, как ты запоешь! – бросает мне агрессивно, уверенно, отчаянно...

Я недовольно хриплю. Не это я хочу услышать. Не сейчас, когда ее близость срывает все тормоза... После нашего последнего с ней вебкам – разговора прошли сутки – бессонные сутки, на разрыв... Мысль о том, что я не могу ей написать, что вместо ее аватарки – пустота, изъедала, как кислота. Даже не знал, что будет так нервно. Что меня охватит настолько сильное нетерпение по ней... Заставил Давида выяснить, где тусует Барин под нелепым предлогом обсудить с ним московские планы. Шел наудачу... Людное место... В такие он ее и таскает, как правило. Когда увидел изящную фигурку Бэллы в черном возле его туши в випе, чуть не завопил от триумфа...

– Сколько? Сколько ты стоишь? – хриплю, сглатывая слюну. Нет сил уже продолжать этот нелепый разговор. Она продается – я покупаю... В чем проблема? Она ведь про бабло...

– Отвалил от меня! Быстро! Не продаюсь!

– Неужели? – усмехаюсь.

– Таким, как ты, уж точно...

Я теперь уже смеюсь в голос. Это она кому заливает?

Кусаю в шею ее, чувствуя, как дергается дымящийся член в джинсах. Рычу, не в силах сдержаться.

– За деньги или без них, Бэлла, всё равно окажешься подо мной... А потом на мне... И еще в сотнях других поз, потому что с тобой я хочу попробовать всё на свете, малютка...

Каким – то неведомым образом ей удастся выкрутиться из моего захвата и со всей силы пнуть меня прямо в пах острым каблуком. Боль дикая, особенно по возбужденному столько времени члену. В глазах аж искры. Если бы противники были так беспощадны к причиндалам друг друга, никто бы не шел в бои... Но мужскую солидарность никто не отменял... Это и спасает.

Когда искры перестают клубиться роем перед глазами и я могу, наконец, встать, ее нет и в помине. Выхожу наружу – и взгляд тут же упирается в пустой столик, где только недавно она играла в милую парочку с Бариним... Вот и поговорили...

Спустя час звонит мой телефон. Я даже не удивляюсь, когда вижу на дисплее его имя.

– Привет, Алан. Поговорим?

– Поговорим... Где? Говори адрес, подъеду...

Наш разговор лаконичный, как все у Барина. Не знаю уж, почему он пошел по мальчикам, но вот мужского в нем реально побольше, чем во многих самых рьяных альфа-самцах... По факту, даже моя ситуация неправильная... По – мужски я не прав... И осудил бы сам себя, посмотри на это все отстраненно. Но с Ней все неправильно. Все не так, как должно быть. С самого начала.

– Ты ж понимаешь, о чем будем говорить? – спрашивает он меня после короткого рукопожатия.

Я молча киваю.

– Алан, ты хороший парень. Молодой и резвый... И твой интерес к ней я могу понять, но...

– Барин, ты мне про отношения ваши не заливай. Я поэтому и пошел с ней говорить, потому что знаю, что все это фикция. Не осуждаю. Думаю, вы оба поступаете объективно правильно – взаимный интерес, симбиоз, но... ты просто плохо знаешь наш народ... Они правда ее в покое не оставят... Найдется козел, который сделает ей что – то поганое... Тебе нужны эти межнациональные разборки? Оставь это мне. Я готов за Бэллу впрячься...

– А как же невеста? – усмехается он.

– Невеста здесь ни при чем, ее сюда не надо вмешивать, – отвечаю, не желая развивать эту тему. Я и сам не знаю, честно говоря, ответа на этот вопрос. Сам себе на него ответить не могу... Но это сейчас не важно... Сейчас важен другой вопрос и другой ответ...

– А с чего ты взял, что она за тобой пойдет? – спрашивает Барин.

– Я знаю, у нее есть ко мне женский интерес, не мальчик... Видел, уж прости... Пойдет – правильно поговорю с ней – и пойдет...

Снова усмехается. Его, наверное, забавляет моя молодая, горячая самоуверенность. Правда, когда я перевожу глаза на его улыбку, понимаю, что она какая – то печальная, знающая.

– Алан, послушай меня. Не лезь к ней. По – человечеки прошу... Дело там не в угрозах и травле даже, и не в ее женском интересе к тебе, и не в наших, как ты говоришь, фиктивных отношениях... Дело в ней самой... Не нужно тебе это. И ей не нужно. Ты ее доломаешь. Жаль девочку. Живи своей жирно – мажорной жизнью, бесись, кайфуй, мало красивых националок непристроенных по миру что ли... Весь мир в твоих руках. А ее оставь. Она не для тебя...

Я молчу. Он, видимо, и не ждет от меня ответа. Хлопает дружески по плечу и уходит. А я так и остаюсь стоять на месте, смотря в одну точку...

Глава 6

Алан

Вы когда – нибудь задумывались, что определяет наш жизненный путь... Дорогу, которой мы идем. Я не про божье провидение. Думаю, у Бога слишком много дел, чтобы водить нас за ручку. Я про то, что внутри нас заставляет на перекрестке сворачивать именно туда, куда мы сворачиваем. Арабы убеждены, что все предначертано. Американцы верят в то, что каждый есть творец своего собственного пути. Русские надеются на «авось». Люди моей народности верят не в судьбу, а в свод правил и обычаев, которые и определяют, что можно, а что нельзя... Подобно прокрустову ложу, они отсекают все лишнее в каждом человеке, чтобы получалось только «идеальное», в их понимании, конечно... Идеальные браки, идеальные дети, идеальная жизнь... Кто – то скажет, что такая жизнь невообразимо скучна. Кто – то скажет, что такая жизнь – лучшее из всего придуманного, потому что позволяет подстелить мягкую подушку под задницу на всех ухабах и ямах... Вот только не приведи Господь вырваться из этого круга «идеальности» или по той или иной причине в него не попасть изначально – тогда твое падение будет кровавым и болезненным, если не фатальным...

С тех пор, как я отпустил ситуацию с Бэллой, прошло не меньше пяти месяцев... За это время столько всего изменилось и столько воды утекло, сколько иногда не происходит и за несколько лет. Я все – таки переехал в Москву – полностью, кардинально поменяв свою жизнь. Хорошо, что рядом был Давид и Милена. Конечно, без них я бы как минимум чувствовал себя менее комфортно в новых условиях большого, но по сути чужого мне во всех смыслах города. Дава не подвел – именно он организовал и обустроил мою жизнь, и не только в рамках своих обязанностей как менеджер. Он действовал, прежде всего, как друг. Верный, отзывчивый, сумевший ввести меня в тусовку, благодаря чему я не только сразу сколотил мощную команду в своем бойцовском бизнесе, но и просто хорошо проводил время и чувствовал себя здесь сразу «своим»...

А Милена... Милена мой тыл... Хорошая она, мне очень с ней повезло. Вспоминаю сейчас тот день, когда говорил с Бариним – и внутри все переворачивается... Наверное, если бы не то роковое совпадение, я бы не согласился с его доводами, пёр бы дальше, чтобы получить Бэллу. Мужики меня поймут – когда хочется бабу, реально хочется, когда в голове что – то щелкает и образуется ленточная петля, заставляющая твой проигрыватель снова и снова включать одну и ту же песню про одну и ту же женщину, мало какие доводы и ограничители работают... Этот внутренний ураган из гормонов, мужской тяги к победе и инстинктов и ломает семьи, заставляет совершать глупости, сокращает работу мозга до одной извилины, уходящей к причинному месту...

Помню, как все стоял и думал над словами ушедшего Барина, а телефон разрывался. Снова и снова, снова и снова. Пока я все – таки не решил раздраженно посмотреть на дисплей. Кто же все – таки меня так доканывал? Милена. Это начинало уже раздражать. Все – таки правы те мужчины, которые запрещают своим женщинам звонить им без ограничений. Есть в этом какая – то логика... Вот такая вот назойливость выбьет из равновесия даже самого спокойного, не говоря уже обо мне в моем состоянии... Ничего, научу ее. Полностью под себя подстрою. Для этого таких жен и берут – покладистых, неопытных... Одним словом, «нераспакованных» – чтобы все настройки были ручными, а не шли по умолчанию...

– Да, – отвечаю, еле сдерживая гнев.

На другом конце жалобный всхлип, сразу скручивающий мои внутренности в рог. Первая мысль – она узнала? Откуда? Ответ приходит сам, когда Милена начинает тараторить.

– Алан, такой кошмар! Никак не могу до тебя дозвониться... Папа... Попал в аварию... в реанимации... – она переходит на рыдания, душасшие, жалобные, а я ничего не могу понять, в голове каша и раздрай...

– В реанимации? – успеваю произнести, но тут же слышу, как она уже просто не может говорить, мой вопрос, видимо, окончательно ее добивает – такое бывает, когда ты со стороны вдруг слышишь то, что у тебя у самого на устах – и осознание накрывает тяжело пеленой... Милена теряет самообладание, захлебывается в рыданиях. Трубку выхватывает ее мать.

– Алан, мой муж сегодня попал в сильную аварию. Пару часов назад его доставили в реанимацию – вестей нет, не можем дозвониться, но... Боюсь, что... – голос пропадает. Самообладание этой взрослой сильной женщины растворяется в кислоте отчаяния и страха... Страха от мысли о потере близкого...

– Я приеду...

Отец Милены был хорошим человеком. Правильным, честным, уважаемым, с большими делами позади и не менее большими планами впереди. Детей своих хорошо воспитал. Много им дал. Жаль, что он так и не стал моим тестем... Судьба забирает самых активных... А может кто – то или что – то еще – то самое, что все – таки и заставляет нас поворачивать в определенных местах на перекрестках нашей жизни – называйте это как хотите – мактуб, случай, предопределение... На похоронах Михаила я обещал его жене, что буду заботиться об их дочери и стану для нее хорошим мужем... Тогда мне еще казалось, что я выполню свое обещание... Вот только, когда я произносил свою клятву перед облаченной полностью в черное вдовой с большими синяками под покрасневшими глазами, кто – то там сверху усмехнулся и дернул за ниточки... А я, подобно марионетке, сам того еще пока не зная, продолжил плясать под его дудку, думая, что решаю что – то в своей жизни...

По истечении пары месяцев Бэлла стала воспоминанием из прошлого... Станным, болезненным, все еще будоражающим кровь, стоило только о ней подумать... И все же воспоминанием... Костру всегда нужны угли. Эмоциям и чувствам, будь они самые возвышенные или самые низменные, всегда необходима подпитка...

И все же я постоянно возвращался к ней в своих мыслях, спрашивал себя, как она, что с ней... С Бариним мы разошлись – по понятным причинам, теперь ни о каком совместном бизнесе или наставничестве речи идти не могло. Честно признаться, я и не искал больше встречи. Потому что боялся, что снова она появится в поле зрения, а я хотел и правда стать хорошим мужем для Милены, свадьба с которой должна была быть через полгода, как только истечет траур по ее отцу. Пару раз, признаюсь, у меня был порыв зарегистрироваться под новым именем в вебкаме, но я сознательно себя останавливал... Зачем? Отец часто мне говорил, что в большинстве своих проблем мы виноваты сами. Сами ищем предлоги и поводы... Этого повода быть плохим я специально старался избежать...

В республику теперь я летал довольно часто – отец все – таки принял мой выбор и поручил, раз уж я теперь в России, контролировать его спортивный бизнес – сеть бойцовских клубов, производство спорттоваров, бадов и энергетиков. Я был рад хоть так ему угодить, раз уж упорхнул из – под его тренерского крыла. Про Бэллу ничего слышно не было. Успокаивал себя тем, что, будь иначе, случись с ней что – то нехорошее, такие вещи бы у нас точно размусливались не один месяц...

Параллельно шли интенсивные тренировки. За эти месяцы я успел выиграть три боя, что существенно продвинуло мое имя в российских бойцовских рейтингах. Что греха таить, мой отец был легендой этого мира, фамилия помогала. С одной стороны... С другой, ни один боец, пожалуй, не рассматривался так скрупулезно и досконально, так критически и скептически, как я. День ото дня я должен был защищать свое имя, свое положение. Получалось. Через месяц были крупнейшие соревнования международного уровня, проводившиеся раз в три года в Москве. Получу пояс – все пойдет только в гору. Облажаюсь – будет не очень, мягко говоря. Наверное, никогда еще моя жизнь не была наполнена таким смыслом и мотивацией... Я готовился, тренировался, сидел на жесткой диете и в целом максимально во всем себя ограничивал. В сексе тоже. С Миленой мы так и не спали до свадьбы. Мне было это важно, хотелось, чтобы всё прошло по правилам... Не потому, что я святой. Даже после того, как я ее засватал, у меня были женщины. Это не измена. Это физиология. Ничего не значащая связь на стороне. Сменяющие друг друга в бесконечном потоке одинаковые смазливые лица с разной степенью искусственности красотой... Всё это было до моего чешского помутнения. Ситуация с Бэллой словно открыла мне глаза. Помогла посмотреть на всю эту грязь по – другому... Помню раздирающий душу плач Милены в тот момент, когда она звонила рассказать про отца – и свое раздраженное состояние, что меня отвлекают от той, другой... Наверное, именно тогда я испытал первый раз это неприятное чувство вины. Не такое, какое испытываешь перед родителями. Это чувство было иной природы – замешанное на разнице женского и мужского менталитетов. Потом оно раскроется передо мной во всех своих красках и тонах, но в тот момент... В тот момент мне казалось, что все еще можно повести по правильному пути... Что можно будет построить отношения на крепком фундаменте и избежать грязи. Я захотел быть правильным женихом. Воздержание – так воздержание. Значит, никакого секса. И нет худа без добра – лучшие спортсмены перед соревнованиями уходят в жесткую аскезу.

Всё шло по плану. До того самого дня, когда вместе с упавшей в ресторане на мраморный пол чашкой чая разбились и мои иллюзии быть хорошим для одной... Я помню, как поднимаю глаза и смотрю, не моргая, перед собой. И мне хочется ушипнуть себя под столом. Может это сон? Нет. Это Она сидит. Все такая же идеально красивая, только слишком бледная... И словно испуганная. Нервно сжимая тонкими пальцами чайную ложку. Когда наши взгляды пересекаются, она невольно дергается. Бэлла испуганно, словно в замедленной съемки, смотрит на разбитую чашку. Она в прострации. Как и я. И только в этот момент я замечаю, что она не одна. С ней сидит какой – то здоровенный широкоплечий мужик в кожанке. И как я его сразу не заметил... Потому что она опять все затмила. Недовольно обвожу его взглядом, а потом снова

перевожу глаза на нее. И то, что я в них вижу, заставляет меня больше не думать о последствиях. Действовать. Наплевав на логику, здравый смысл, все свои правила и установки...

Глава 7

Бэлла

Какого цвета ваши воспоминания? Я о картинках, которые всплывают в памяти, стоит только подумать о прошлом – детстве, юности, школе... Мои воспоминания всегда темные. Я бы даже сказала, окрашенные преимущественно в черные тона – иногда так интенсивно, что вовсе и не различишь ни места действия, ни действующих лиц...

Хотя нет... Если долго вспоминать, то все – таки что – то цветное нет – нет, да всплывет на поверхность сознания... Одно из таких светлых пятен постоянно мне снится. Я, Айза и Райка собираем у нас в палисаднике кислую салатовую алычу, пока из окна не вылезает соседка в цветастом халате с кислотно-розовыми бигуди на голове и не кричит, размахивая скалкой, что мы паразитки и не даем плодам поспеть. Мы тут же сами, подобно этой самой алыче, срываемся с веток дерева, даже не обращая внимания, как они царапают нашу кожу, убегаем, пряча награбленное в подолах платьев, скрываемся за углом и смеемся беззастенчиво и долго. До колик в животе.

– Корова бигудястая, кому они нужны спелые – только продукт переводить, – смеется Айза, кривясь от оскомины, но с аппетитом продолжая прожевывать желанный трофей. Жутко кисло. Жутко вкусно. Это вкус детства. Вкус того времени, когда я еще была живой. Когда Она была живой...

Айза – моя сестра – близнец. Она родилась на пять минут раньше меня. Может быть, поэтому всегда была такой бойкой, неунывающей, активной, в отличие от меня... Всё ей было ни по чем... Я тянулась за ней, как тонкая тростинка за лучами солнца, зная, что в них сама жизнь. Она была моим рулевым. Она была моим всем.

Мне всегда казалось, что Айза старше не на пять минут, а как минимум на пять лет. Моя опора и защита. Никогда не давала меня в обиду. И хотя нападали, как правило, всегда на нас двоих, от нее, в отличие меня, оскорбления, подколки, травля отлетали, как горох от стены. А когда она видела, как я переживаю и загоняюсь, устраивала мне такую взбучку своими оптимизмом и энергией, что все переживания и обиды снимались, как рукой.

Мы родились в небольшом поселке энергетиков, недалеко от гидроэлектростанции, обеспечивающей электричеством всю республику. И хотя население у нас всегда было интернациональное – много кого приехало и из других частей России, давление замкнутого, консервативного костяка – коренных жителей этих самых мест, представителей нашего народа, нет – нет, да ощущалось. Особенно на таких, как мы. Тех, на кого никогда не смотрят, как на равных, кто никогда не воспринимается как желанная компания для твоего ребенка, кого твоим сверстникам дозволено подколоть, обидеть и обзвать постыдным «безотцовщина» в спину, а иногда и в лицо... Да, мир не стоит, прогресс двигает человечество вперед, на месте старой деревни построили современный поселок, соорудили огромную гидроэлектростанцию, сделали настоящее искусственное море – водохранилище, нагнали специалистов со всей страны, а вот эти предрассудки из мозгов коренных людей вытравить так и не удалось. Иногда мне казалось, что наша жизнь здесь – как канал, протекающий посередине поселка – пусть людям и удалось заключить бушующую воду горных рек в бетонные оковы девятиметровой глубины, от этого горная вода не стала более приветливой или спокойной – напротив, стоило подумать о том, как глубоко было там, внизу, под голубой водяной массой, какую силу сдерживали эти искусственные берега, становилось не по себе...

Безотцовщины... Наверное, едва ли в наших краях, где место семьи в обществе определяли ее мужчины, можно было придумать оскорбление хуже и унижительнее... Убийца и грабитель и тот заслуживали больше почета в этой иерархии... Мы же были изгоями с самого детства, пусть сначала, до определенного возраста, этого попросту и не понимали. Нельзя ска-

зять, что с нами не хотели играть. Напротив, ровесники с еще не отравленным взрослыми условностями сознанием тянулись к нам, как и к любым другим сверстникам, тем более, мы были симпатичные, складные и интересные девочки. Но все дети взрослеют- и с каждым годом их мозг становился все более засорен мыслями совсем не детского характера. Как только друзьями своих сыновей и дочерей начинали интересоваться их родители, те технично пропадали из поля нашего зрения. Достаточно было нашептывать чаду о том, каким непростительным, греховным изъязном мы обладаем, как те начинали презрительно ворочать от нас носы, шушукаясь с другими за спиной.

Исключением всегда была только Райка – дочь нашей соседки Веры Павловны. Командированная из подмосковной Электростали, она преподавала русский язык и литературу в нашей школе и всегда держалась подальше от местных склок и сплетен. Муж у Веры Павловны был, хоть и жил в родном городе и приезжал к ним только по праздникам – либо они ездили туда, чем Райка обожала хвастаться при любом случае. Говорила, что вообще – то она москвичка и ездит к себе домой в столицу, хотя все мы прекрасно понимали, что Электросталь, хоть правда от столицы в паре десятков километров, это такая же Москва, как мы – супермодели. И все же мы всегда воспринимали эти ее похвастушки терпеливо. У каждого свой характер. Ее – далеко не самый плохой. Она была нашей подругой – это самое главное. Наверное, факт того, что Вера Павловна была не из наших, и позволял их семье общаться с нами и не испытывать на себе прессинга... Для остальных мы были словно с огромным клеймом посреди лба.

Я знала, что наш отец жив. Более того, у матери в паспорте все еще был штамп о браке... Только однажды я ее спросила, где отец и почему не живет с нами... Помню, как она тогда подняла на меня свои пустые, вечно уставшие, то ли сонные, то ли заплаканные глаза и ничего не ответила... Больше я не спрашивала. Он появился только однажды. Нам было по одиннадцать лет. Помню, как прибежали со школы, взмыленные после физкультуры, а во дворе стоит красный жигули, неизвестная машина, ненашенская, ни у кого из соседей не было такой... Заходим в дом – пахнет пирожками и вареной картошкой. Странно. Обычно в обед дома никого не бывает. Мать работала на хлебокомбинате и приходила только к семи вечера. С учебы мы «встречали себя сами», как любила говорить Айза – разогревали себе еду из холодильника, обязательно делали уборку, потому что мать всякий раз устраивала разнос по приходу, не разложи мы все по местам и не помой полы. Потом садились за уроки – и этот вопрос тоже контролировала сестра. А тут – шкворчание масла на кухне, какая – то суета, которая буквально ощущалась в воздухе прямо с порога... Заходим внутрь – мать дома. И даже в платье свое выходное вырядилась. На голову ободок нацепила...

– Чего встали, кулёмы? – без «здрасте» деловито отвечает нам, – отец приехал. Идите, на стол накрывайте и знакомьтесь...

Столько торжественности и воодушевления, наверное, я до того дня никогда в ее голосе не слышала...

Мы переглянулись с сестрой. Помню, как недовольно Айза поджала губы, но ничего не сказала матери в ответ. Мы взяли по тарелке с приготовленным и пошли в зал. Сидевший там уже за столом, выдвинутом на центр комнаты, чужой, незнакомый мужчина как – то строго оглядел нас. Промолчал. Ни слова – ни тебе привет, ни я ваш отец... Чувство неловкости повисло тяжелой взвесью в воздухе.

– Проходите, – наконец, произнес он, словно был здесь хозяином.

Послушались.

Он сел за стол, но нас за него не пригласил. Матери тоже в комнате не было, и она почему – то к нам не спешила... Попробовал небрежно приготовленное. Не церемонясь и культурствуя, чавкая и откусывая большие куски... Мне почему – то было противно смотреть на то, как он ест, на него было противно смотреть... Отвела глаза.

– Воды принеси, – сказал небрежно, кивнув в мою сторону.

На негнущихся ногах, поспешила на кухню, схватила со стола кувшин с кипяченой водой и кинулась обратно. Поставила на стол. Смотрю перед собой, не дыша.

– Ты что, совсем? – спрашивает грубо, – стакан где? Как мне пить? Неумеха... Вся в свою мать... Эта тоже как не умела готовить, так и не научилась, небрежно отшвыривает на тарелку откусанный пирожок, который он успел уже попробовать.

Я дергаюсь, как от удара. За мной вообще была эта дурацкая привычка – грубые, обидные слова или сильные шок и удивление всегда вызывали у моего тела вот такую непроизвольную реакцию, что жутко забавляло моих обидчиков, всегда знавших, когда их слова «достигали цели»... И сильно бесило Айзу, которая тут же спешила мне на помощь, а потом тет – а – тет недовольно отчитывала, что мне нужно учиться быть сильнее и уметь отражать удар...

Этот раз не стал исключением.

– Тебе чего здесь надо? – огрызнулась она сквозь зубы, – зачем пожаловал? Тебя здесь никто не ждал.

Он посмотрел на нее внимательно. Долго смотрел. Не рассматривал. Именно в лицо вглядывался. В глаза. А потом так же резко, как делал все до этого, с царапающим нервы скрипом по полу отодвинул стул и встал, на ходу выхватывая со стола зубочистку.

Я как сейчас помню это его гадкое «циканье» в попытке убрать застрявшую еду между зубов, скривленный в подобие усмешки рот и шевелящуюся, как тараканий ус, деревянную палочку между тонких губ. Не церемонясь и не стесняясь, он подошел к нам, стоящим почти вплотную прижавшись к стене, и произнес фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь.. Наверное, потому, что тогда я впервые в жизни услышала слово, которое никогда не знала... Шлюха...

Он сказал нам всего одну фразу, которую я буду помнить всю жизнь – «Узнаю, что шлюхами стали – поубиваю»... Вот и весь завет отца, его наставление дочерям... Оценка всего пройденного на тот момент пути и напутствие на будущее... Воспитание. Сказал и ушел.

Глаза матери в тот вечер опять были пустыми и заплаканными. Больше своего отца ни я, ни Айза никогда не видели.

Я помню, что плакала в тот вечер. Сильно, задыхаясь. От обиды, от несправедливости... Было ощущение, что нас просто выпачкали в чем – то гадком, непотребном... Это его «шлюха» продолжало звенеть у меня в ушах, словно отпечатываясь на сознании клеймом... Айза меня утешала, как всегда, храбрилась, хотя было видно, что и ее вся эта ситуация выбила их колеи. Усмехалась и говорила, что подслушала, как он говорил с матерью – оказывается, приехал к ней только, чтобы стрелкнуть денег на какую – то свою аферу. Заодно, видимо, решил и дочек воспитать уму – разуму...

– Да чем с таким отцом, лучше вообще без него! Зачем он нам нужен, Белка, – говорила она, вытирая мои слезы и сдерживая изо всех сил свои, – зачем нам вообще кто – то? Мы есть друг у друга...

Да, есть... Были... У меня была моя Айза... А потом ее не стало...

Я закрываю глаза – и картинка у меня перед глазами. Подробности, которые, возможно, так отчетливо выбились у меня в памяти, чтобы я тогда не сошла с ума... Словно отвлекали от сути происходившего... Нам по пятнадцать. Десятый класс. Конец учебного года. На улице уже буйно играет на деревьях зелень, подпевая шепотом веселому весеннему ветру. Помню, как треснувшими волдырями пузырилась побелка известкой на стенах нашего дома, помню, как трещало электричество, бегущее по черным венам – проводам над дорогой, помню, как кричал угод, и мне, как обычно, в этом его крике отчетливо слышалось пророчество – приговор – «худо – тут, худо – тут». Помню, как спустя всего несколько часов после того, как я подняла шум, что Айза пропала, к нам в двери громко постучалась Вера Павловна... Этот ее стук, тревожный, отчаянный, горестный, до сих пор у меня в ушах.

– Кристина! – закричала она, зовя мою мать, лежавшую в комнате и никак не реагирующую до последнего на факт того, что Айза ушла со вчерашнего вечера и так и не появилась – ни дома, ни в школе, – нашли! Господи, нашли! – кричала она, всхлипывая, – в канале нашли... Господи...

Ее всхлипы перешли в вой... А потом я поняла, что это не она воет. Это я. Волком... Словно это была не я. Словно мой мозг еще ничего не успел понять, а душа уже всё почувствовала и выла – выискивая свою пару, свою близняшку. Свою родственную душу... И не находила. Впервые в жизни не находила.

По официальной версии Айза утонула. Через месяц нам должно было исполниться шестнадцать. Мне исполнилось. Ей – нет...

Наверное, с того самого дня мир для меня и окрасился в черные тона. При том, не только настоящее... Черная клякса стала планомерно растекаться по всем моим воспоминаниям из прошлого, лишь изредка оставляя мне небывалую роскошь – мысли о том, как мы смеялись вместе, как она меня поддерживала и всегда давала веру в будущее... Часто я просыпалась среди ночи, подходила к окну, смотрела в темноту и спрашивала ее – почему, почему ушла? Как такая, как моя сестра, сильная, смелая, наполненная верой и оптимизмом, могла трусливо броситься в водяную бездну, отдав себя пустоте и забвению... Как могла бросить меня... Зная, что я без нее... не смогу...

После того, как Айзы не стало, наша маленькая семья в составе меня и матери стала совсем нерукопожатной. Настолько, что в одиннадцатый класс я уже не ходила – меня так травили, дразня «самоубийцей» и так надо мной издевались, что даже сами учителя позволили мне перейти на домашнее обучение. А еще вечерами вместе с Райкой мы ходили на ИЗО – учительница считала, что я очень хорошо рисую – сказала, что хочет со мной продолжать заниматься... Я была ей благодарна. Райке тоже. Она была рядом все это время. Единственная. Даже матери не было – она совсем ушла в свою пустоту... Только Райка. Учебу я закончила кое-как. Приходила, сдавала контрольные и экзамены в неучебное время. Только на госэкзаменах пришлось появиться... Еле выдержала эти шепотки и усмешки в спину. Выпускной, конечно же, я манкировала...

Даже если бы и могла, не пошла бы... На тот момент Райка вынесла весь мозг на тему того, что в республике делать нечего – что нужно хватать ноги в руки и валить отсюда в столицу, устраивать свою жизнь... Так мы и поступили... Райка собиралась переезжать в Электро-сталь в их закрытую квартиру. На тот момент ее отец уже умер, жилье просто пустовало. Вера Павловна уже хворала. Ехать за дочерью сил и здоровья не было. Поэтому очень обрадовалась, когда та предложила мне ехать с ней. Вдвоем не страшно... Моей матери было плевать, перспектив в поселке не было никаких, все равно нужно было перебираться в город побольше... Что – то думать если не с учебой, так с работой... Так все и завертелось. Сейчас, смотря на то время со стороны, я прекрасно понимаю, что никогда бы не решилась на такой шаг сама. На рядом была Райка...

Когда вечерний поезд уносил нас с одним маленьким чемоданом от нашего городка прочь, ни я не скучала о том, что оставляю, ни по мне не скучали. Позади была только пустота – в глазах матери, которая даже на похоронах Айзы вела себя отрешенно и безэмоционально, а после вообще замкнулась в себе, во вселяющем чувство тоски и отчаянии крике удода «худо – тут», в непрерывном стрекоте электричества в проводах – венах... В моей душе...

Глава 8

Бэлла

В Электростали мы долго не задержались. Квартира Райки на поверку оказалась старенькой однушкой в обшарпанной хрущовке. Но проблема даже была не в ее состоянии. Мы сами – то не из князей родом и не в хоромаш выросли. Вопрос был в том, что, судя по всему, к Райке это жилье уже не имело никакого отношения. По крайней мере, когда мы, наконец,

доперли туда прямиком с вокзала на трех перекладных, выяснилось, что живет там сожительница покойного мужа Веры Павловны и в ус не дует.

Скандалная, нетрезвая бабенка не стала церемониться с двумя «сцыкухами», как она нас назвала – вместе со своим дружкой – собутыльником тут же погнала взашей из заплыванного подъезда. Еле ноги унесли тогда... Райка, конечно, шла к остановке и возмущалась, что сейчас же позвонит в полицию и разгонит эту шайку – лейку, но как – то ее голос звучал неуверенно и наигранно... Не знаю, что там за этим стояло – все – таки какая – то мутная история с документами на эту комнатуху, о чем подруга решила умолчать, или просто банальный страх перед теми, кто наглее и борзее... Короче, обещанного жилья у нас не было... Да и Райка не была Айзой, как бы я ни пыталась подсознательно найти себе нового сильного лидера рядом. Авантюристка, сумасбродка – да, но смелячка – едва ли...

– Да и что здесь делать, в этой дыре... – опасливо оглядывая по сторонам спальный район Электростали, вещала она в ожидании маршрутки до железнодорожной станции, – наша цель – Москва, Белка... Что время терять... Поехали, попытаем счастья там. Я на Ц**не (прим. портал для покупки и аренды жилья) уже, вон, загуглила несколько предложений по съёму комнаты. Мать дала мне тридцатку на первое время – что –нибудь да найдем, а там и работа подвалит...

Ни о какой учебе мы тогда еще не мечтали. Вернее, каждая, конечно, хотела бы получить достойную профессию, но на тот момент цели были более приземленные и насущные – заработать себе хотя бы на кусок хлеба и хоть как – то закрепиться в этом сумасшедше активном, сумасшедше красивом, сумасшедше жестоком городе. Москва обескураживает с первого взгляда. Своими темпами, своими масштабами, своим богатством, своими возможностями... Помню, как мы вышли на перроне Павелецкого вокзала, пробрались к выходу сквозь карканье ушедших таксистов и буквально ошпарились, как от кипятка, этой бурной энергетикой столицы. Шикарные машины быстро проносились по Садовому кольцу. С надменным пренебрежением на нас сверху смотрели окна дорогих домов центра, яркими витринами сверкали рестораны и салоны красоты, попасть в которые я тогда даже и не мечтала... Сколько таких голодных до хлеба, счастья и богатства девочек вышли точно так же из дверей Павелецкого вокзала за эти годы – и не сосчитать... Сколько нашли в Москве свое место, сколько здесь потеряли, сколько вернулись с разбитым сердцем и пустыми карманами восвояси, сколько не вернулись вообще...

– Знаешь, сейчас освоимся, а там можно будет и про заочку подумать... – строила очередные грандиозные планы Райка. Мне было приятно ее слушать, хоть я особо ей и не верила. Райка была мечтательницей. Она конечно же пребывала в убежденности, что станет великой актрисой... Кто ее знал – не сомневался бы, что другой профессии она себе придумать просто не могла...

А я... Я пока задвинула все свои мечты глубоко и подальше... Не до этого было... Не мой удел был мечтать...

Нам тогда еще никто не подсказал, что нельзя голословно верить фото на сайтах, нельзя перечислять деньги загодя, оплачивая жилье, которое не видели, даже если арендодатели на тебя и дают фразой типа «не внесете аванс, сдадим другому, а предложение лучшее на рынке»... Съемная комната в коммуналке оказалась тем еще клоповником. Находиться там было не просто неприятно, небезопасно с учетом соседей – то ли беспробудных алкоголиков, то ли наркоманов, мы так и не успели от ужаса разобраться.

На следующее же утро, не спав ночь напролет из – за шумной гулянки за стеной, мы с Райкой задались новой целью – найти что – то поприличнее, жаль только, что за этот хламник уже успели внести три тысячи – и никто, конечно же, теперь нам эти деньги возвращать не собирался...

– Ладно, перекантуемся до конца недели – может что подвернется... Есть же пока мамкина заначка..., – успокаивала то ли меня, то ли себя подруга.

Я не хотела зависеть от Райки, мне было неудобно, что у меня в кармане дырка от бублика, а она тратит последнее из отданного матерью. Я уважала Веру Павловну. Она всегда относилась ко мне хорошо. Более того, именно ей я обязана сносным знанием русского и английского языков. У нас в поселке к иностранным языкам относились скептически, пренебрежительно. Никто в школе не уделял время английскому, нарочно числился такой предмет в программе – выпускаясь, все дежурно знали четыре слова и три фразы в духе «вот из ёр нейм», а Вера Павловна ведь отучилась в педагогическом в Москве. Она говорила, у меня склонность к гуманитарным наукам, легко они мне даются...

– Учись, Бэллочка, не для оценок учись, для себя... Девушка, много читающая и знающая литературу, да еще и способная пару слов к месту сказать на английском, в цене золота нынче... Я вот это все время своей Райке говорю, да ей как об стенку горохом...

– Зачем здесь мне это, тетя Вера... Вы же видите, как ко мне относятся...

– Земля большая, Бэллочка... И круглая, – говорила она и многозначительно смотрела вдаль.

Да, большая и круглая... Я только потом до конца поняла значение ее слов... Много лет после...

Так и получилось, что Вера Павловна иногда со мной занималась. Дала мне хороший самоучитель, советовала находить в интернете и смотреть на английском фильмы, слушать песни и стараться улавливать смысл... И литературу я поглощала полками... Любила уходить в вымышленный мир книг из школьной библиотеки, отстраняясь от реальности...

Вот только мои занятия едва ли придали мне больше очков в глазах потенциальных работодателей сейчас. Всем им были важны только дипломы и корочки, которых у меня не было... Только лишь выпускник школы не мог рассчитывать на какие – то заоблачные доходы и прекрасные вакансии, даже если и обладал нужными навыками...

Я шла по позднеосенней промозглой Москве, кутаясь в огромный шарф, и все думала – думала, что же делать дальше, как нам с Райкой здесь осесть, жуть как не хотелось возвращаться обратно... Не сейчас, когда огни большого города зажглись в душе... Все приезжие меня поймут. Это особенное чувство. Ноги сами завели меня в маникюрную студию с вывеской о том, что требуются сотрудники. Наверное, это был знак, не иначе...

– Готова на любую работу, – отрапортовала я бодро менеджеру.

Конечно, никакого маникюра и педикюра я делать не умела. Стоять на входе за стойкой и отвечать на звонки меня почему – то тоже не взяли. В итоге вручили ведро с водой, швабру и тряпку. Сказали – посмотрят, как я работаю, по истечении испытательного месяца решат – справляюсь или нет, берут или прощаются со мной. Но все равно будут платить в течение всего периода – исправно, каждый день... Такая у них была система – подневная оплата. Последнее слово стало для меня решающим... Слово «оплата» пролилось на уши сладким бальзамом надежды и веры в то, что все не так ужасно....

Я старалась. Очень. Если что – то я и умела хорошо делать, так это мыть полы... Годы материнской выправки научили... Так у меня появилась первая работа в Москве. И мне было дико гордо и приятно за себя, что в сумке завелись пусть и небольшие, но деньги, которые я могла теперь принести в наш с Райкой общак. Помню, как радостно бежала вечером после первого рабочего дня в тот ужасный клоповник, где мы пока обитали, и даже купила по пути на свои кровно заработанные шоколадные конфеты к чаю.

Райкины успехи по поиску работы были более скромными. Она – таки смогла попасть, в отличие от меня, за стойку в пару кафе, но все время что – то у нее не клеилось... Наверное, не было ни одного полного рабочего дня, который она могла бы отработать и при этом не уйти, хлопнув дверью.

Комнату мы тоже все никак не могли поменять — я тогда в этом вообще никак не разбиралась, а Райке все было «не до этого»... «Да и вообще, говорила она — деньги за это жилье нам никто не вернет — надо уж дожить до срока выселения — там посмотрим»... Так и спали все время полубдя со сковородой в руках — боясь, что хлипкий замочек — шпингалет не выдержит, если какой —нибудь из буйных соседей вдруг решит — таки выломать нашу дверь.

— Что, учишься что ли по ночам? — услышала я за спиной приятный женский голос, когда переодевалась в подсобке на работе в свою робу и в очередной раз зевнула.

Мастер. Ко мне обратилась мастер! Я сначала даже не поверила. Они обычно на нас, уборщиц, даже не смотрели... А тут...

— Простите, Вы это мне? — переспросила я неуверенно.

— Тебе, тебе, красавица... Тебя Бэлла зовут, кажется? Красивое имя... Как в «Герое нашего времени» Лермонтова.. Читала? Ты и сама похожа на кавказскую княжну... Даром, что полы драишь... — вдруг выдала мне эта приятная, ухоженная женщина лет пятидесяти.

— Я Снежана, — продолжила она, — ну так, что? Учеба или дискотеки по ночам? — спросила с улыбкой.

Я тоже улыбнулась. Наверное, это получилось немного печально и вымученно. По крайней мере, женщина заметила, что — то не так...

— Ну давай, скажи, что такая красotka забыла в паршивом сетевом салоне на окраине Москвы в роли уборщицы?

— Да... Знаете... Сложно... — отвела глаза, стесняясь сказать правду. А потом вдруг решила не юлить — что мне жеманничать сейчас? Я стою с тряпкой и разъеденными хлоркой руками и что — то пытаюсь перед ней, взрослой и мудрой, из себя строить? Смешно... — Мы с подругой только приехали в столицу... Тяжело себя найти... денег нет... Хватаемся за все подряд...

— Ммм... Понятно... И за мужиков, судя по всему, тоже хватаетесь, да? Иначе что такая заспанная, а?

— Нет, что Вы! — поспешила оправдаться я, — какие мужики! Мы, это... Просто снимаем комнату в нехорошем месте... ну, соседи там проблемные — шумят, пьют, дерутся... Страшно ночами спать...

— Ясно... — протянула она, внимательно меня оглядев с ног до головы в очередной раз, — а подруга такая же молчаливая и трудолюбивая, как ты?

— Да, мы одноклассницы, — выдала я искренне... Райка, конечно, не была молчаливой и трудолюбивой, но сейчас эта ложь, наверное, не была моим самым страшным грехом...

Снежана вздохнула...

— Короче, десятка в месяц — и живите в моей квартире. У меня трёшка. Обитаю там совсем одна. Места хватит. Одну комнату вам выделю. Но плюс за вами уборка на кухне. Ненавижу мыть посуду. Маникюр портится...

Если бы можно было завизжать от восторга, я бы это сделала прямо там, со шваброй в обнимку!

Так в нашу жизнь вошла Снежана — удивительный человек, сыгравший огромную роль в моей судьбе...

Про таких, как она говорят — человек непростой судьбы, позади целая история... Когда — то Снежана была юристом. Хорошим юристом. Которая в сорок лет решила кардинально все изменить в своей жизни... Отучилась на мастера маникюра и в итоге оказалась здесь, в этом самом салоне в одном из спальных районов Москвы, где и жила...

— И такое бывает, девочка моя... Называется — выгорание... Как муж умер, поняла, что не могу больше работать. Обрыгло. Да и не за чем. Все эти рожи ментовские и бандитские — все одно, разве что по разную сторону баррикад, от всех воротило. Бумажки, бумажки. Так к этим

бумажкам привыкаешь со временем. Забываешь, что на каждой прописана, можно сказать, чья – то жизнь и судьба. Решила все послать на фиг. Для чего мне? Денег великих это не приносило, да и зачем мне эти деньги – то? Детей нам Бог не дал. Одной у меня расходов не так много. Вот так здесь и оказалась. Зато спокойно – пилю себе ногти, сплетничаю с бабенками об их мужьях и детях до пяти вечера, а потом десять минут пешком до дома. Короче, меня всё устраивает...

О том, что в ее умном, проницательном взгляде была скрыта какая – то более серьезная, глубокая история, я в итоге тоже узнаю, но много позже...

Прошел месяц с того дня, как я устроилась в салон. Мы с радостью переехали в скромную, но уютную квартиру Снежаны на девятом этаже. Удивительная она была женщина – мягкая, преображающая вокруг себя пространство... Я тогда все никак не могла понять, почему она одна... Почему нет рядом с ней мужчины. Муж ведь умер, когда ей было всего сорок лет – ничего для женщины. Но, конечно, все эти мои мысли так и оставались невысказанными. Не мое это было дело. Не лезть другим в душу я умела...

Испытательный срок на работе подходил к концу. Я уже предвкушала, как менеджер объявит мне о приеме на работу и повышении зарплаты – такой была ведь договоренность... Правда, все, конечно же, пошло не по моему сценарию. Вместо надбавки в итоге меня рассчитали и сказали, что более в моих услугах не нуждаются...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.